

РУДОЛЬФ ЭРИХ

РАСПШЕ

Школьное чтение

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХАУЗЕНА

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

Annotation

Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен (Мюнхаузен) (1720–1797) – немецкий барон, ротмистр русской службы и рассказчик, ставший литературным персонажем.

Мюнхаузен часто рассказывал соседям поразительные истории о своих охотничьих похождениях и приключениях в России. Такие рассказы обычно проходили в охотничьем павильоне, построенном Мюнхаузенем, увешанном головами диких зверей и известном как «павильон лжи».

Рассказы барона: въезд в Петербург на волке, запряжённом в сани, конь, разрезанный пополам в Очакове, конь на колокольне, взбесившиеся шубы, вишнёвое дерево, выросшее на голове у оленя, широко расходились по окрестностям и даже проникли в печать...

Со временем имя Мюнхаузена стало нарицательным как обозначение человека, рассказывающего удивительные и невероятные истории.

-
- [Рудольф Эрих Распе](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Охотничьи приключения барона Мюнхаузена](#)
 - [Любимые собаки и лошади барона Мюнхаузена](#)
 - [Приключения барона Мюнхаузена на войне против турок](#)
 - [Приключения барона Мюнхаузена в плену у турок и возвращение на родину](#)
 - [Приключения на море во время первого путешествия](#)
 - [Пребывание барона на острове Цейлон](#)
 - [Приключения на море по дороге в Америку](#)
 - [Приключение с бароном в Средиземном море](#)
 - [Приключение с воздушным шаром](#)
 - [Вторая поездка барона в Константинополь](#)
 - [Пари с султаном и бегство из Константинополя](#)
 - [Приключение с пушкой](#)
 - [Осада Гибралтара](#)
 - [Приключение с белыми медведями](#)
 - [Приключение с собакой](#)
 - [Второе путешествие на Луну](#)
 - [Путешествие под землю](#)
-

Рудольф Эрих Распе
Приключения барона Мюнхаузена

Предисловие

В молодости я хорошо знал барона Мюнхаузена. В то время ему жилось очень трудно. Его лицо, костюм, словом, вся его внешность были очень неприглядны. По своему уму, происхождению и образованию он мог занять видное место в обществе, но он редко показывался там, не желая краснеть за свой жалкий вид и переносить косые взгляды и снисходительные улыбки. Все близкие знакомые очень любили барона за его неистощимое остроумие, весёлый нрав и прямодушие. А какой это был удивительный рассказчик! Теперь таких уже нет! Начнёт он, бывало, вспоминать что-нибудь из своей прошлой, богатой всевозможными приключениями жизни, слова так и льются, картины сменяют картины, – все затаят дыхание, слушают, боятся проронить слово...

Как я уже сказал, барон редко показывался в обществе. В течение последних лет я нигде его не встречал и окончательно потерял из вида.

Я был несказанно удивлён, когда однажды увидел у себя в кабинете какого-то весьма элегантно одетого господина. Он вошёл со словами:

– Барон Мюнхаузен – ваш старый знакомый!

Очень прилично одетый старик имел моложавый вид. Его пронизательные глаза лукаво подмигивали, а на лице играла весёлая улыбка.

– Кого я вижу? – воскликнул я. – Неужели это вы, господин Мюнхаузен? Вы, вероятно, внук или правнук...

– Нет, нет, – перебил меня вошедший господин и прибавил: – Это я, Мюнхаузен, ваш бывший знакомый. Напрасно вас это удивляет! Должен вам сказать, что теперь, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам, дела мои поправились и я могу снова возобновить свои светские знакомства. Помогите мне в этом, дайте мне несколько рекомендаций, чтобы я мог легче открыть себе доступ в общество.

– Но, барон, я, право, затрудняюсь это сделать. Я хорошо знаю вашу необузданную фантазию. Едва вы начнёте рассказывать, вами точно овладевает бес. Вы уносите за облака и говорите о таких вещах, которые не только не были, но и не могли быть. Я же ставлю истину выше всего не только как человек, но и как писатель.

– Что за странное обвинение, – обиделся Мюнхаузен. – Я необузданный фантазёр, рассказчик небылиц! Откуда вы это взяли? Правда, я люблю рассказывать разные случаи из моей жизни, но лгать, лгать?

Никогда!.. Никто из Мюнхаузенов не лгал и не будет лгать! Не заставляйте же себя просить, мой добрый друг! А лучше напишите такую рекомендацию: «Мой старый друг барон Мюнхаузен» и т. д. и т. д.

Он так красноречиво убеждал меня, что я, наконец, вынужден был уступить его просьбам и дал ему рекомендацию. Однако считаю долгом предупредить моих юных друзей не верить всему тому, что рассказывает барон Мюнхаузен. Я убеждён, что вы прочтёте рассказы барона с большим удовольствием: его забавные приключения заставят вас смеяться так же, как смеялись тысячи детей до вас и будут смеяться после вас.

Охотничьи приключения барона Мюнхаузена

– Господа, друзья, товарищи! – так начинал всегда свои рассказы барон Мюнхаузен, потирая по привычке руки; затем он брал старинную рюмку, наполненную его любимым напитком – настоящим, но не очень старым раунтальским вином, задумчиво приглядывался к зеленовато-жёлтой жидкости, со вздохом ставил бокал на стол, осматривая всех испытующим взором, и продолжал, улыбаясь:

– Значит, мне снова приходится рассказывать о прошлом!.. Да, в то время я был ещё бодр и молод, отважен и полон кипучих сил!

Как-то раз мне предстояла поездка в Россию, и я выехал из дома в середине зимы, потому что от всех, когда-либо путешествовавших по северу Германии, Польше, Лифляндии и Курляндии, я слышал, что дороги в этих странах очень плохи и сравнительно в сносном состоянии бывают только зимой благодаря снегу и морозу.

Я выехал верхом, так как нахожу этот способ передвижения наиболее удобным, если, конечно, лошадь и всадник достаточно хороши. Кроме того, путешествие верхом избавляет от докучных столкновений с немецкими почтмейстерами и от риска иметь дело с таким ямщиком, который, вечно томимый жаждой, так и норовит остановиться у каждого придорожного кабачка.

Одет я был очень легко, и чем дальше продвигался на северо-восток, тем сильнее о себе давал знать холод.

Проездом через Польшу на дороге, пролегающей по пустынному месту, где свободно на просторе разгуливали холодные ветры, я встретил несчастного старика. Едва прикрытый плохой одежкой, бедный старик, полуживой от стужи, сидел возле самой дороги.

Мне до глубины души стало жаль беднягу, и я, хоть и сам озяб, накинул на него свой дорожный плащ. После этой встречи я ехал без остановок, пока не наступила ночь.

Передо мной расстилалась бесконечная снежная равнина. Царила глубокая тишина, и нигде не было видно ни малейшего признака жилья. Я не знал, куда держать путь.

Страшно устав от долгой езды, я решил остановиться, слез с лошади и привязал её к остроконечному колу, торчавшему из-под снега. На всякий

случай я положил пистолеты рядом с собой, лёг на снег недалеко от лошади и тотчас заснул крепким сном. Когда я проснулся, был день. Моей лошади нигде не было видно.

Вдруг где-то высоко в воздухе раздалось ржание. Я взглянул вверх: мой конь, привязанный за повод, висел на верхушке колокольни.

Мне сразу стало ясно, что произошло: я остановился в деревне, сплошь занесённой снегом. Ночью внезапно наступила оттепель, и снег стаял.

Незаметно во время сна я опускался всё ниже и ниже, пока не оказался на земле. А то, что я вчера принял за кол и к чему привязал лошадь, был шпиль колокольни.

Недолго думая, я выстрелил из пистолета. Пуля перебила ремень, и через какую-то минуту лошадь стояла возле меня. Я оседлал её и поехал дальше.

До русской границы всё шло благополучно. К сожалению, в России не принято зимой ездить верхом. Никогда не нарушая обычаев страны, я и на этот раз не изменил своему правилу. Приобрёл маленькие сани, запряг лошадь и бодро и весело отправился в Петербург.

Ехал я дремучим лесом. Неожиданно оглянулся и вижу: за мной бежит громадный матёрый волк. В несколько прыжков он догнал меня. Я хорошо понимал, что мне не спастись от его острых зубов, бросил вожжи и лёг в сани.

Волк перепрыгнул через меня и набросился на лошадь.

Благополучно избежав неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, что голодный зверь проглотил всю заднюю часть животного. Я изо всей силы огрел его кнутом. Волк от испуга и боли рванулся вперёд и очутился вместо лошади в её упряжи и оглоблях. К великому удивлению встречных, волк бешено мчал меня и скоро благополучно привёз в Петербург.

Не буду утомлять вас описанием государственного устройства, искусств, наук и всевозможных достопримечательностей великолепной столицы Российской империи. Лучше расскажу о лошадях, собаках, моих лучших друзьях, о лисицах, волках, медведях и других зверях, которыми богата Россия, как ни одна страна в мире.

Хочется мне ещё поведать о русском веселье, об охоте и разных подвигах, которые украшают честного дворянина больше, чем самый модный и богатый наряд и изысканные манеры.

Мне не сразу удалось поступить в ряды русской армии. В ожидании службы у меня было много свободного времени, которое я провёл, как и подобает благородному дворянину, весело и беспечно. Это стоило немалых денег, но всё же я с удовольствием вспоминаю это лучшее в моей жизни

время.

Суровый климат и обычаи страны породили в России большую привычку к вину. Немало я встретил людей, которые довели своё искусство пить до виртуозности. Но всех в этом отношении превзошёл один генерал с седой бородой и медно-красным лицом, который очень часто обедал с нами.

Этот храбрый человек лишился во время битвы с турками верхней части черепа и даже за столом всегда сидел в фуражке, за что чистосердечно извинялся перед гостями. Вот этот-то почтенный воин каждый день за обедом выпивал несколько бутылок водки и не одну бутылку рома. Однако никогда его не видели пьяным. Это может показаться неправдоподобным. Я и сам долго недоумевал и только случайно понял, в чём дело.

Генерал изредка приподнимал фуражку, чтобы освежить себе голову. Сначала я на это не обращал внимания. Но вот однажды я заметил, что вместе с фуражкой поднялась и серебряная пластинка, которая заменяла ему недостающую черепную кость. В это образовавшееся отверстие клубом выходили винные пары. Тут-то я всё понял и тотчас же рассказал о своём открытии друзьям. Мы решили проверить мои наблюдения.

Я подошёл незаметно к генералу с курительной трубкой в руках. Выждав момент, когда генерал приподнял свою фуражку, я быстро поднёс к его голове клочок бумаги, который зажёг от трубки. И в тот же миг все увидели чудное явление: винные пары загорелись огненным столбом. Те же пары в волосах старика зажглись голубым огнём и образовали великолепный лучистый венок.

Генерал отнёсся добродушно к моей проделке и впоследствии не раз позволял нам повторять эти невинные опыты.

Не буду говорить о других шалостях, которыми мы забавлялись, а перейду сразу к рассказам о моих охотничьих приключениях.

Страстно любя охоту, я отдался ей всей душой. Для меня ничего на свете не было лучше охоты в дремучих лесах, которые в России тянутся на сотни вёрст.

С величайшим удовольствием вспоминаю время, которое я так весело и интересно провёл. Немало я пережил опасностей и рискованных приключений, но всё заканчивалось весьма удачно.

Однажды утром я увидел из окна моей спальной комнаты, что пруд, который находился по соседству, был весьма усеян дикими утками. Я наскоро оделся, боясь пропустить такой благоприятный случай, достал из угла своё ружьё и так поспешно бросился вниз по лестнице, что по дороге ударился о наличник дверей. Удар был так силен, что из глаз посыпались искры. Но мне нельзя было терять ни минуты, – утром всё пробуждалось, и утки могли улететь. И я, не обращая внимания на сильную боль от удара, побежал к пруду. Я уже приблизился на расстояние ружейного выстрела, но тут, к своему великому огорчению, я увидел, что в спешке не заметил, как при столкновении выскочил пистон.

Но времени терять было нельзя. И вот, к счастью, я вспомнил, что при ударе, который я получил в глаз, посыпались искры. Я открыл затравку, поднял своё ружьё, прицелился в диких уток и затем так сильно ударил кулаком по одному глазу, что искры посыпались снова. Грянул выстрел, и у меня была богатая добыча: пять пар диких уток, четыре куропатки и одна пара лысок.

Как видит читатель, мне помогло присутствие духа. Не будь его, я растерялся бы с первого момента, когда ушибся; затем – когда заметил отсутствие пистона. И в конечном итоге не получил бы такой ценной и вкусной добычи.

Читатель должен помнить, что самое главное в человеческих делах – это присутствие духа. Доказательство – случай со мной. И если солдаты и моряки очень часто обязаны ему своим спасением, то и охотники не реже добивались успеха только благодаря присутствию духа.

Я вспоминаю ещё один случай. Было это так. В один из дней своего путешествия попал я на берег одного озера. Смотрю – а там несколько дюжин диких уток спокойно плавают, купаются и ищут пищи. Но утки были рассеяны на большом пространстве – почти не было парочек, а только в одиночку, – так что я не мог рассчитывать одним выстрелом убить больше

одной.

А тут ещё, к несчастью, в моём ружье находился последний, единственный заряд. Мне же нужно было принести домой побольше уток, так как я созвал к сегодняшнему обеду множество гостей. Но тут я вспомнил, что в моей охотничьей сумке лежит ещё остаток сала, которое я взял с собой из дома, чтоб перекусить после охоты. Я достал это сало, прикрепил к верёвке, которая служила собачьим поводком, и, спрятавшись за камыш, который рос у берега, бросил свою приманку в воду.

Не прошло и несколько минут, как я, к великому своему удовольствию, заметил, что одна дикая утка, бродившая возле, погналась за салом и, поймав – проглотила. Но сало было скользкое, оно, быстро пройдя сквозь утку, выскочило у неё с другого конца. Другая же утка, заведя, что первая проглотила что-то, приплыла за ней в тот момент, когда сало опять оказалось в воде. Она его мигом проглотила. Так продолжалось без конца, пока все утки не оказались нанизанными на верёвку, к которой было привязано сало, точно жемчуг.

Я вытащил их из пруда, обвязался остатком верёвки пять или шесть раз вокруг тела и шеи и весело направился домой.

Но путь до моего дома был слишком далёк и утомителен, а утки оказались очень тяжёлыми, и уже на половине пути я был готов раскаяться в своей жадности. Но тут случилось нечто неожиданное, и то обстоятельство, которое меня только что обеспокоило, послужило в мою же пользу.

А случилось вот что.

Утки, как оказалось, были ещё живы, но находились в обморочном состоянии. Как только они избавились от первого испуга, они взмахнули своими крыльями, и не успел я оглянуться, как они подняли меня на воздух вместе с собой.

Всякий бы на моём месте испугался. Я же мог хорошо ориентироваться и решил использовать этот момент. Я спокойно развернул полы своего сюртука, сделав их похожими на паруса, и направил таким образом полёт диких уток прямо к своему дому.

Когда же я находился уже над крышей своего дома и захотел спуститься на землю, то начал постепенно скручивать уткам головы – одну за другой, – что, между прочим, представляло немало затруднений. Но мне удалось с большим успехом справиться с этим заданием.

Когда я свернул голову последней утке, то находился как раз над дымовой трубой моего дома, и так как утки, лишившись голов, не могли летать, я медленно начал спускаться и через дымовую трубу попал прямо в

свой камин. Я, к большому испугу моего повара, вышел из камина как раз в тот момент, когда он собирался развести огонь. И опоздай я ещё на пять минут, я бы не выбрался оттуда невредимым. Испуг повара сменился радостью, едва он увидел, кроме хозяина, богатый подарок для своей сквороды – диких уток.

Подобный же странный случай повторился с куропатками.

Раз отправился я испытать своё новое ружьё и расстрелял весь запас дробы. Вдруг неожиданно поднял я голову и увидел, к своей радости, целую цепь куропаток, летящих как раз надо мной. Мне очень захотелось поджарить несколько штук сегодня вечером. Дробы же, к моему огорчению, у меня не было.

И тут пришла мне в голову восхитительная мысль. Я могу посоветовать со спокойной совестью и вам, дорогой читатель, и всем добрым и честным людям поступать так же.

Как только я увидел, что дичь начала плавно спускаться, я быстро зарядил своё ружьё вместо дробы обыкновенным шомполом, которым чистят ружьё.

Затем я подошёл к куропаткам и выстрелил в них в тот момент, когда они, испугавшись меня, взлетели.

И что же вы думаете? Когда шомпол упал на землю всего в нескольких шагах от меня, то на него были густо нанизаны семь штук куропаток.

Но этим не окончилось ещё это удивительное происшествие. Как только я стал снимать этих проткнутых куропаток и захотел их положить в свой ягдташ, то оказалось, что они зажарились от раскалившегося шомпола. Перья обсыпались, а кожица была так восхитительно подрумянена, что осталось только положить их на блюдо и подать к столу. А изжарившиеся внутренности имели вкус внутренностей бекаса.

Недаром в нашей пословице говорится: на Бога надейся, да сам не плошай.

А один раз был такой случай. Бродил я по лесу и думал поохотиться. Вдруг смотрю – бежит мне навстречу голубая лисица. Мне было жаль испортить её драгоценную шкурку дробью или пробить её пулей. А она спокойно остановилась под деревом, как видно, не замечая меня.

В одно мгновение вынул я из ружья пулю, а вместо неё вставил хорошую шпиковальную иглу. Затем я выстрелил, и так удачно, что хвост лисицы оказался пригвождённым к стволу дерева. Тогда я подошёл к ней и начал хлестать её своей охотничьей нагайкой. Лиса от боли выскочила из своей шкуры и убежала, а шкура досталась мне целая, не испорченная пулей.

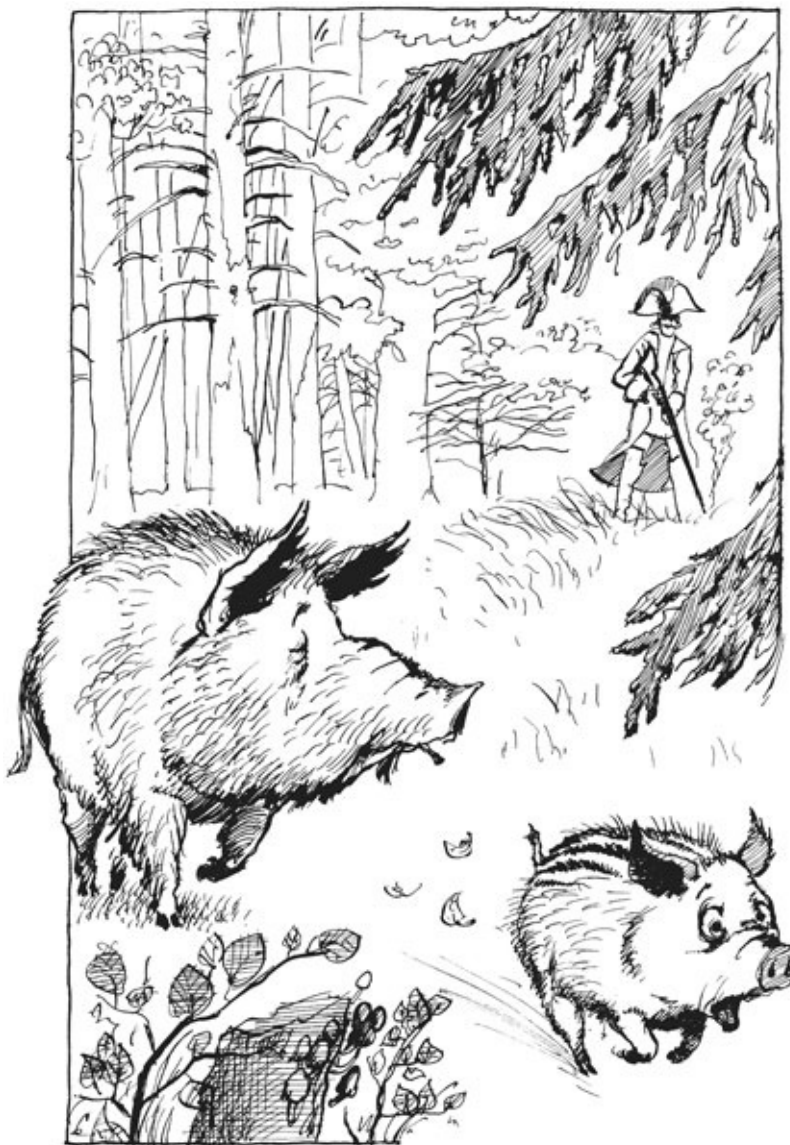
Какой-нибудь непредвиденный случай или сопутствующая нам счастливая звезда часто обращают наши промахи в нашу же пользу. Что это правда – я имел случай убедиться. Это было под вечер в густом лиственном лесу. Столетние дубы были усеяны зрелыми желудями.

Вдруг я заметил огромную дикую свинью, которая шла за поросёнком. Я выстрелил. Свинья остановилась как вкопанная, а поросёнок с визгом бросился бежать. Я подошёл и увидел в зубах свиньи кончик хвоста поросёнка. Оказалось, что свинья была слепая и не могла передвигаться самостоятельно. Она следовала за поросёнком, держась за кончик его хвоста. Пуля моя оторвала кусочек хвоста поросёнка, и он остался в зубах свиньи. Я взялся за оторванный кончик хвоста и повёл свинью за собой. Старое беспомощное животное, ничего не подозревая, без всякого сопротивления пошло за мной.

Дикие свиньи, а в особенности вепри, бывают очень опасны, когда они чем-либо раздражены. Через несколько дней после приключения со слепой свиньёй я возвращался с охоты, расстреляв все имевшиеся у меня заряды. Вдруг из-за кустов бросается на меня дикий кабан.

Вы можете себе представить, каково было моё положение. Я совершенно не был подготовлен к подобной встрече. Малейшее промедление могло стоить мне жизни, но я, не теряя самообладания, моментально взобрался на ближайшее дерево. Оногнулось подо мной и могло обломиться, но другого выхода не было, и я продолжал взбираться всё выше.

Раздражённый кабан ринулся за мной и ударил клыками о ствол дерева с такой силой, что они глубоко впились в дерево и концы их прошли насквозь. Он начал метаться во все стороны, стараясь освободить свои клыки. Я проворно соскочил на землю, камнем загнул концы клыков и вколотил их в ствол. В таком положении я оставил кабана в лесу, а сам отправился домой в полной надежде, что он никуда не уйдёт. Дома я хорошо поужинал и лёг спать.

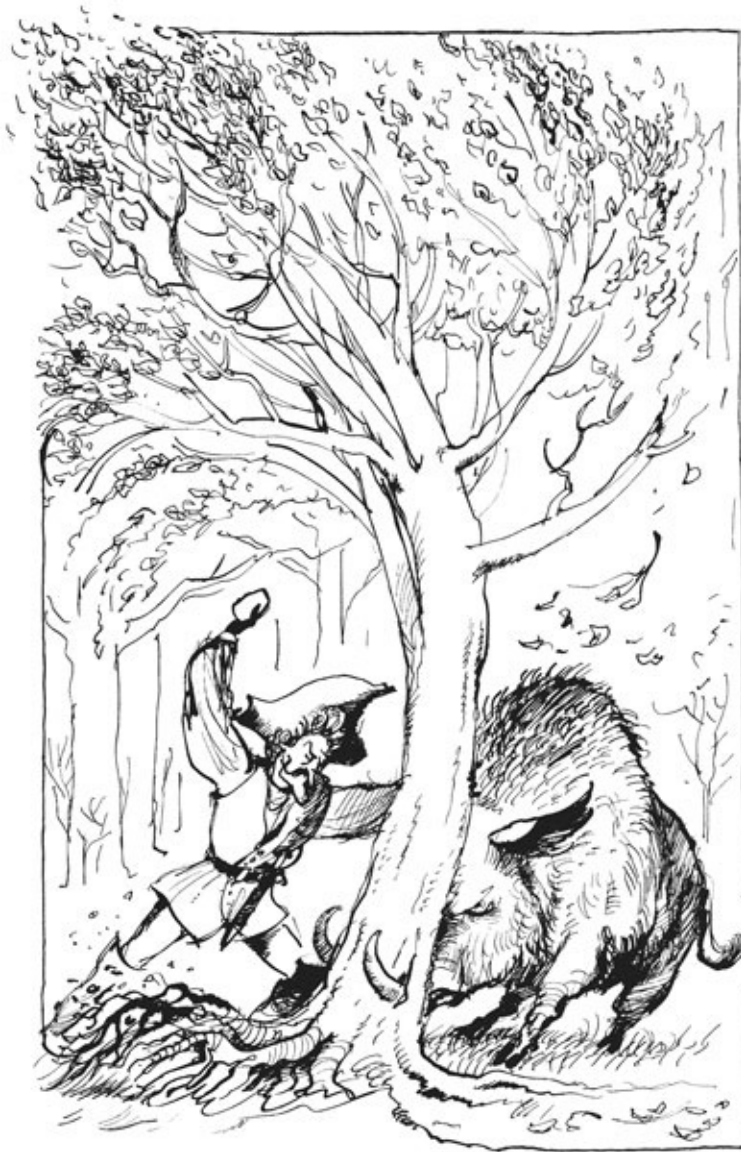

На другой день, утром, взял с собой заряженное ружьё, людей, повозку и отправился в лес разыскивать кабана. Скоро мы отыскали вепря. Я подошёл к нему и выстрелом в голову уложил кабана на месте. Когда его привезли домой и взвесили, то оказалось, что он весил более 50 пудов. Все были поражены.

Мне была хорошо известна очень старая легенда о покровителе охотников св. Геберте и явившемся ему в тёмном лесу олене с крестом между рогами. Лучшие охотники, в том числе и я, служили каждый год св. Геберту молебны. Я очень часто видел этого оленя нарисованным в церквях, в кабинетах охотников, а также вышитым на одежде рыцарей. Не могу вам сказать, жили эти олени только в старину или существуют до сих пор.

Шёл я как-то по лесу и ел спелые вишни. Дичи перестрелял много и уже не обращал внимания на зайцев или подобную мелочь, как вдруг навстречу мне выходит прекрасный олень! Стоит, не шелохнётся и смело смотрит на меня своими умными глазами, как будто знает, что у меня не заряжено ружьё. Меня даже зло взяло!

Подошёл я ближе, стоит олень, точно смеётся надо мной. «Постой же, – думаю, – я тебя сейчас угощу!» Я зарядил ружьё порохом, но дробь у меня уже не было, и вместо дроби я положил горсть вишнёвых косточек. Олень стоит себе и смотрит! Я выстрелил.

Мой заряд попал ему прямо в середину лба, между ветвистых рогов. Он покачал головой, подпрыгнул и, повернувшись, медленно пошёл в лес.

«Ну, – думаю, – вишнёвыми косточками оленя с ног не свалишь!»

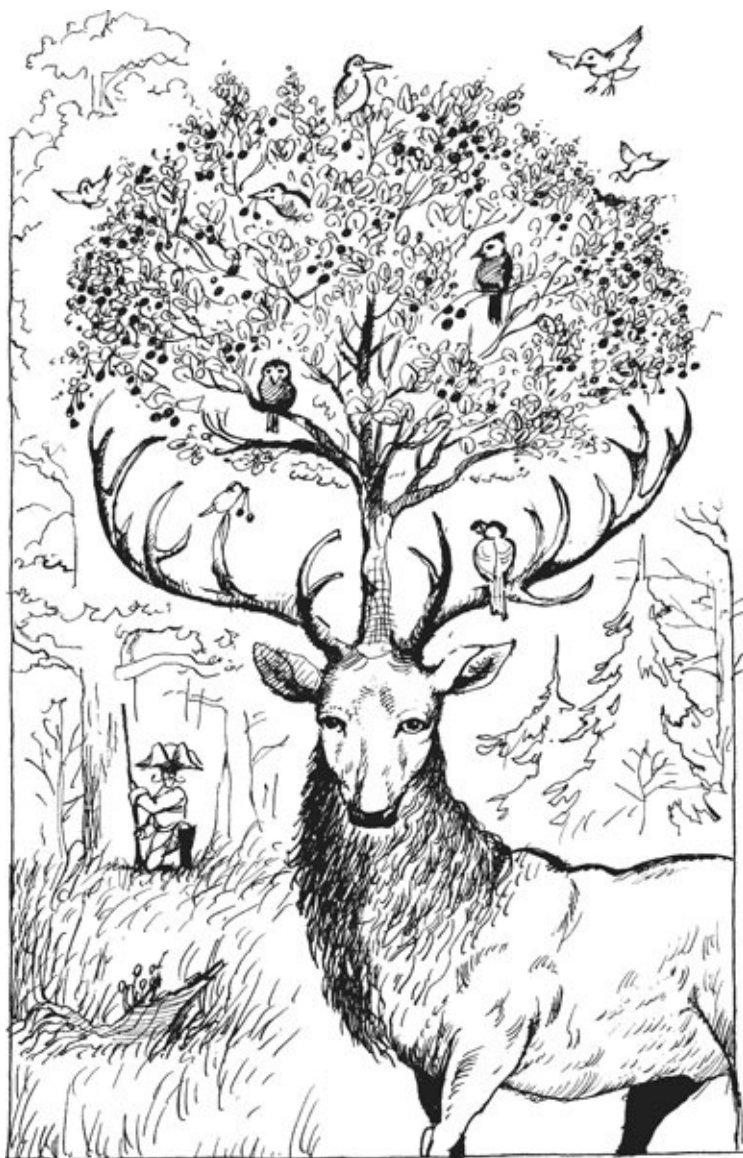
Но всё же я был доволен, что не растерялся. Придя домой, я рассказал об этом происшествии своим товарищам. Они подняли меня на смех и долго надоедали мне своими остротами. То один, то другой при удобном случае подносили мне горсть абрикосовых или вишнёвых косточек с едкими словами «для будущей охоты». Мне оставалось лишь отшучиваться.

Через два года мне пришлось опять охотиться в тех лесах. Вдруг вижу: бежит прямо на меня красивый олень с вишнёвым деревом между рогами. Невольно я вспомнил о своём прежнем приключении.

Мой заряд из вишнёвых косточек не пропал даром. Как видно, одна из них пустила ростки в голову оленя, и из неё выросло прекрасное вишнёвое деревце. Одним выстрелом в голову я уложил оленя на месте, получив сразу жаркое и вишнёвый соус. Представьте себе: на ветках висели спелые, крупные вишни вкуснее всех фруктов, какие мне приходилось когда-либо есть.

Охотник часто сталкивается с неожиданностями и опасностями. В критические минуты ему приходится пользоваться всем, что попадает под руку, лишь бы не упустить добычу.

Подтвердить сказанное может следующий случай.

Дело было в осеннюю тёмную ночь. Я был в то время в глухом и незнакомом лесу. В течение дня я расстрелял все свои заряды. Сначала я подумал взобраться на высокое дерево и провести на нём ночь, но потом изменил своё намерение и направился домой. Не успел я пройти двадцати шагов, как передо мной точно вырос большой разъярённый медведь. Его громадная пасть была открыта; казалось, что он хочет проглотить меня. У меня, как назло, ничего не было, кроме двух кремней, которые из предосторожности я всегда носил с собой.

В такую критическую минуту я был рад им, как самому лучшему огнестрельному оружию. Один из них я бросил в пасть великану с такой силой, что он прошёл через неё и остановился глубоко в горле. Медведь от боли сильно зарычал и побежал. В это время в моей голове блеснула

счастливая мысль: я бросил в животное второй камень. Произошло что-то необычайное: от удара камней посыпались искры, раздался оглушительный треск, и медведя разорвало на части. Таким чудесным образом я был спасён.

Не знаю, чем это объяснить, но самые страшные звери всегда попадались мне тогда, когда я не был подготовлен к встрече с ними. В один очень холодный зимний день я отвинтил камень от своего ружья, для того чтобы немного отточить его. (Нужно заметить, мои молодые друзья, что тогда ещё не было таких усовершенствованных винтовок, как теперь, а стреляли мы кремневыми ружьями.) Не успел я этого сделать, как на меня с оглушительным рёвом бросился большой медведь. Мне ничего не оставалось, как взобраться на дерево и приготовиться к защите.

Но, к несчастью, и тут мне не повезло. Когда я взбирался на дерево, вылетел мой охотничий нож, и у меня ничего не осталось, кроме голых пальцев, которыми я, конечно, не мог отточить камень от ружья. А медведь стал под деревом на задние лапы и выжидал свою жертву. Мысленно я уже приговорил себя к смерти. Страшно было подумать, что через минуту меня может разорвать это свирепое животное! Я уже подумывал об искрах, хранящихся в моих глазах, при помощи которых я когда-то стрелял уток, но не решился даже в такую опасную минуту воспользоваться этим средством, так как до сих пор до конца не вылечил свой глаз и боялся потерять его.

С ветки дерева я с отчаянием смотрел на землю, где лежал в снегу мой охотничий нож. В конце концов пришла мне в голову счастливая и в то же время чрезвычайно своеобразная мысль, которая вывела меня и из этого опасного положения. Дело в том, что настоящий охотник всегда носит все свои вещи при себе. Моя охотничья сумка обычно была наполнена нужными и ненужными вещами.

Немного порывшись в ней, я нашёл небольшой шнурок, какой-то кусок старого изогнутого железа и, наконец, банку с горохом. От крепкого мороза горох сделался совершенно твёрдым, даже обледенел. Недолго думая, я приложил его к своей груди, чтобы дать ему оттаять. Затем я привязал к шнурку железо, а к железу прилепил оттаявший горох и быстро бросил его на землю, оставив у себя в руках кончик верёвки. Кусок железа, облепленный горохом, сильно пристал к рукоятке моего ножа, потому что уже застывший от холода горох примёрз к нему.

Таким способом мне удалось поднять нож на дерево. Тогда я быстро стал оттачивать камень, чтобы можно было приступить к серьёзной обороне. Едва я успел заложить его в ружьё, как косолапый мишка тоже

полез на дерево.

«Поздно, мишенька, поздно!» – подумал я.

И действительно, ведь нужно быть медведем, чтобы не воспользоваться удобным моментом!

Я засмеялся и угостил его хорошим зарядом, после чего он, бедняжка, потерял не только охоту, но и всякую способность снова когда-либо лазить на деревья.

А вот ещё один случай, о котором нельзя не упомянуть. Я был ещё тогда здоровым, крепким и во всех отношениях ловким человеком. Я мог без отдыха проводить на охоте несколько дней подряд.

Один раз после такой продолжительной охоты я возвращался с полной сумкой дичи, но усталость моя была так велика, что я едва держался в седле. Мой конь тоже еле двигал ногами. Скучно было так ехать, но ничего не поделаешь. От усталости я задремал в седле, а мой конь, почуяв свободу, избрал кратчайший путь, свернув с большой дороги, прошёл версты две по узенькой тропинке и... остановился. Я протёр глаза, посмотрел вокруг себя, и представьте себе мою досаду: мы стояли на краю огромного болота! Видно было, что за болотом тропинка шла дальше, но как туда попасть?

Мне припомнилось, что управляющий несколько раз говорил об этом болоте. Он советовал сделать через него мост, так как весной, в половодье, всегда размывало и сносило греблю, служившую подобием моста, но я всё откладывал починку и собирался лично осмотреть испорченную плотину. Теперь же мне представился такой случай, но я охотно отказался бы от этого удовольствия и беспрестанно думал только о том, как бы скорее добраться домой, не возвращаясь назад.

Я прикрикнул и пришпорил коня. Он взвился на дыбы, рванулся всем телом вперёд, и мы повисли в воздухе над болотом. В это время я вспомнил, что конь мой сильно устал, – так как в этот день я загнал с ним около тридцати зайцев. Эта мысль заставила меня повернуть лошадь в воздухе, и мы очутились опять на том же месте, с которого начали свой

бешеный прыжок. Мне хотелось дать коню разбежаться. С разбегу он брал препятствия шагов в двадцать шириною, болото же казалось мне не шире двадцати шагов. Отъехав на некоторое расстояние, я сначала потрепал коня по шее, затем прищпорил его, и мы взвились в воздух.

Однако болото оказалось немного шире двадцати шагов. Я ещё раз прищпорил коня в воздухе, он снова рванулся изо всех сил, но всё-таки недопрыгнул, и недалеко от берега мы оба упали в жидкую грязь.

Болото было очень топкое, и нас сейчас же стало засасывать. Я почувствовал, что уже увяз по пояс, а коня моего почти не было видно, торчали одни уши. Тут нужна была немедленная и самая решительная помощь. Я крепко сжал бока лошади своими ногами, схватился рукой за

свой собственный чуб и... представьте, вытащил себя вместе с конём из этого топкого болота. О, да, у меня тогда была силушка не та, совсем не та, что теперь!

На другой день я опять поехал на любимой лошади по своему обширному имению. Дел было много, и вернуться пришлось совсем поздно. В сумерках я заметил в парке какого-то зверя. Я подумал, что это собака, и, отдав слуге лошадь и оружие, направился в парк посмотреть на неё. Я пробежал по одной дорожке, повернул на другую и вдруг встретился с огромным голодным волком. Он разинул пасть и, пощёлкивая зубами, шёл прямо ко мне. Я не думал бежать от него, так как в благородной семье Мюнхаузенов ещё не было такого случая, чтобы кто-либо бежал от опасности. Волк, недолго думая, бросился на меня, но мне удалось мигом сунуть ему в пасть сжатый кулак так далеко, что от боли он не мог даже двигать челюстями.

Волк остановился и глядел на меня жадными глазами, надеясь, что я выну руку и он растерзает меня. Я же засунул руку ещё дальше, захватил все его внутренности и вывернул их через пасть, точно перчатку, наизнанку. Волк тотчас же издох. Дома я никому не рассказал об этом происшествии. Что, в самом деле, говорить о таких пустяках! Утром садовник нашёл вывернутого наизнанку волка и донёс об этом графу, а тот сразу догадался:

— Кто же может это сделать, как не наш храбрый барон Мюнхаузен!

Все гости бросили пить чай и вместе с графом обступили меня. Похвалам не было конца, меня даже назвали героем, но я до сих пор не понимаю – за что? Стоило ли, в самом деле, поднимать такую суматоху из-за какого-то вывернутого волка? Боже мой! Да на свете ещё не такие вещи бывают! Бывают случаи, что и храбрость не помогает! В подтверждение расскажу вам одно приключение, которое случилось со мной в Петербурге.

За мной гналась бешеная собака. Я даже забыл, что в нашем роду не принято убегать от опасности, и пустился что есть духу по улице, бросив ей свою дорогую шубу. Я сообразил тогда, что бешеная собака разгонит с улицы всех людей, и моя шуба не пропадёт, а дыры можно будет залатать. Сам же я забежал в первый попавшийся двор.

Через некоторое время я послал за шубой слугу. Он действительно

нашёл её там, где она была оставлена. Я никогда не бросил бы этой шубы, так как она напоминала мне об одной блестящей охоте, во время которой я застрелил голубую лисицу. Из её прекрасного меха я и сшил себе шубу.

Слуга повесил шубу в гардеробную вместе с остальной моей одеждой. На другой день, ранним утром, я проснулся от громких криков и не мог сразу понять, в чём дело. В ту же минуту вбегает слуга мой, Иван, и кричит в испуге изо всей силы:

– О, Боже мой, господин барон! Ваша шуба...

– Да, что такое?

– Ах, господин барон!

Переминаясь с ноги на ногу, Иван никак не мог выговорить, что случилось.

– Говори же, в чём дело?

– Ах, барин, ваша шуба взбесилась!

Я скорее побежал в гардеробную, и действительно, на полу валялись куски изорванного платья, а шуба бросалась во все стороны и на моих глазах вцепилась в новенький сюртук и начала рвать его в клочья. Пистолетным выстрелом я убил наповал взбесившуюся шубу и отдал приказание сжечь её вместе с другой изорванной одеждой.

Любимые собаки и лошади барона Мюнхаузена

В жизни мне приходилось часто сталкиваться с опасностями, но могу уверить вас, что, не теряя самообладания, вы всегда останетесь победителем. Мне очень везло на охоте благодаря присутствию духа, но однажды я очутился в незавидном положении, и не будь у меня верных друзей – собак и лошадей, то и ловкость обращения с оружием не помогла бы мне. Правда, я отношусь к своим друзьям очень хорошо и забочусь о них гораздо больше других заурядных охотников. Мне хотелось бы подробно рассказать вам о моих каменных конюшнях и отличных помещениях для собак, но я не буду утомлять ваше внимание и ограничусь только самым существенным. Я расскажу вам о том, чего не могу не оценить и никогда в жизни не забуду. Среди моих собак самыми умными, ловкими и безгранично преданными были две: Стрелка и Фифка.

Первая производила чарующее впечатление на каждого, кому приходилось хоть раз видеть это неутомимое животное. С её помощью я мог свободно охотиться ночью, прикрепив фонарь к её изогнутому вверх хвосту. Она освещала перед собой широкую равнину, и ни одна дичь не могла ускользнуть от моего зоркого взгляда. Все охотники в окрестности завидовали мне.

Жена моя, как и я, очень любила охотиться и прекрасно ездил верхом. Однажды мы, взяв с собой Стрелку и двух слуг, отправились в ближайшую степь. Я поскакал вперёд выслеживать дичь; собака ныряла во все стороны, обнюхивая густую траву, и вдруг остановилась как вкопанная перед большой стаей куропаток. Я мог выстрелить и уверен, что на месте уложил бы несколько десятков птиц, но я сдержал себя и стал ждать жену, чтобы дать ей возможность полюбоваться красивой стойкой собаки. Моя рука устала держать ружьё наготове, а жены и слуг всё не было. В конце концов я забеспокоился и вернулся назад. Проехав полпути, я услышал где-то очень близко жалобные стоны, но кругом не было ни одной живой души. Мне показалось, что стоны доносились из-под земли. В один миг я соскочил с коня и приложил ухо к земле. И что же вы думаете? Я отчётливо услышал голоса моей жены и слуг, а невдалеке увидел отверстие заброшенной шахты. Теперь ясно стало, что мои несчастные спутники, не зная данной местности, по неосторожности попали в глубокую пропасть.

Медлить было нельзя. Одним прыжком я очутился на лошади и вихрем помчался в соседнюю деревушку за людьми. Рудокопы с большими усилиями вытащили всех из шахты, имевшей приблизительно около пятисот футов глубины. Моё нетерпение росло каждую минуту, так как сначала вытащили слуг, а потом уже мою любимую жену и лошадей. Нужно отметить то удивительное обстоятельство, что все вышли из глубокой, тёмной пропасти совершенно невредимыми, если не принимать во внимание незначительных ушибов. О дальнейшей охоте не могло быть и речи. Мы поскакали домой. По дороге я пару раз окликнул Стрелку, но её не видно было. «Не пропадёт!» – подумал я.

Дома мы застали курьера, который ждал меня с поручением по одному

казённому делу. Я вынужден был немедленно выехать в путь. Вернулся я ровно через две недели и сейчас же спросил о Стрелке. Все думали, что она побежала за мной, а потому не придавали большого значения её отсутствию. Невольно у меня мелькнула мысль: «Неужели она осталась возле куропаток?» Как хороший хозяин, я не мог оставить без внимания мою любимую Стрелку, приказал оседлать коня и поскакал туда, где охотился в последний раз. Ещё издали я заметил горбатую спину своего пса и, к моему удовольствию, застал собаку на том же месте, где оставил две недели тому назад. Из груди моей вырвалось радостное: «Стрелка!» Она прыгнула, куропатки взвились, и я одним выстрелом положил двадцать пять штук. Моя бедная Стрелка исхудала и едва передвигала ногами. Я взял её к себе на лошадь и довёз домой. Через несколько дней она оправилась.

Спустя некоторое время я снова поехал с ней на охоту, и на этот раз мы выследили удивительного зайца. Мне очень часто приходилось гнаться верхом за зайцем, но быстрота этого зайца поразила меня. Мы гонялись за ним двое суток. Мой конь окончательно выбился из сил, а Стрелка в изнеможении преследовала зайца по пятам до тех пор, пока я не приблизился к нему на расстояние ружейного выстрела.

Я вовсе не суеверный и не верю в колдовство, но случай с этим зайцем навёл меня на размышления. Я выстрелил. Заяц кубарем перевернулся и упал. Я ловко соскочил с лошади и увидел что-то невероятное! Кроме четырёх ног на животе у зайца оказалось ещё четыре на спине! Когда он устал бегать, он быстро переворачивался на отдохнувшую четвёрку и опять бежал со свежими силами.

Если бы мне кто-нибудь рассказал подобную историю, я не поверил бы, но благодаря моей замечательной собаке я сам увидел это редкое явление природы. Ей по справедливости принадлежало бы первенство, если бы я не владел ещё одной борзой собакой, Фифкой, и Фифка немного затмила славу Стрелки.

Фифка отличалась не столько красотой, сколько удивительной резвостью и в этом отношении не имела соперниц. Я проводил с ней на охоте целые дни, не уставая любоваться её сообразительностью.

Она так много бегала, что с возрастом её ноги как бы вошли в туловище, она служила мне до глубокой старости в качестве таксы.

Когда моя Фифка была ещё молодой, я вышел с ней на охоту несмотря на то, что она была в это время щенной. Другая собака, находясь в таком положении, ленилась бы и не вышла даже со двора, а Фифка сейчас же разнюхала зайца и быстро помчалась за ним. Выгнанный заяц показался мне очень толстым, чем ещё больше меня заинтересовал.

Я с жалостью смотрел, как бедная Фифка бежала с обычной скоростью, так как сознавал, что ей это стоит больших усилий. Вдруг мои мысли прервало тявканье целой своры собак. Я стал прислушиваться к слабому, не совсем ясному лаю и был в недоумении. Я не мог понять, откуда доносится лай, но, подойдя ближе, увидел неописуемое чудо. У толстого зайца, или, вернее, – зайчихи, от быстрого бега или от испуга на свет появились маленькие зайчата, а у Фифки – дивные щенята. Зайчат было столько же, сколько и щенят. Появившись на свет, зайчата инстинктивно побежали, а щенята стали преследовать их и, наконец, даже нагнали. Я начал охоту с одной собакой за одним зайцем и торжественно закончил её с шестью прелестными собаками, а вместо одного зайца загнал шесть.

Когда мне приходится вспоминать эту удивительную историю с зайчатами и щенятами, как-то невольно приходит на память другое не менее замечательное происшествие.

Это случилось в Литве, в имении моего доброго приятеля, графа Пржбовского.

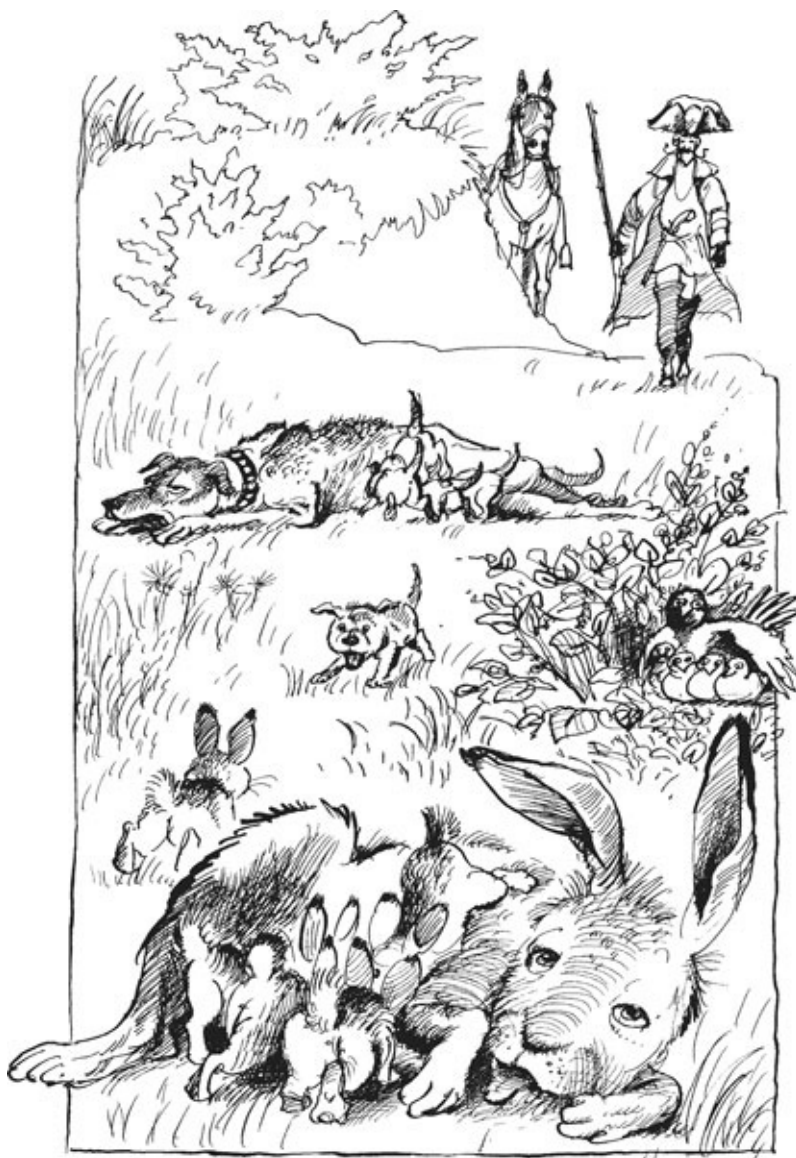
Однажды, после обеденного чая, граф предложил гостям посмотреть свою любимую чистокровную лошадь, которой он очень гордился. Все мужчины вышли на крыльцо, а я в обществе нескольких дам и гостеприимной хозяйки допивал чай.

Вдруг мы услышали крики и громкие испуганные голоса. Я моментально выскочил на крыльцо. Лошадь неистовствовала с пеной у морды, фыркала, брыкалась, точно дикая. Самые лучшие конюхи боялись подойти к ней, не говоря уже о гостях, хотя среди них были знаменитые наездники.

Тут ко мне подошёл граф и с насмешкой сказал:

— Вот этот конь как раз по тебе, Мюнхаузен! Только ты можешь справиться с ним!

Признаться, меня немного задела едкая шутка графа. Недолго думая, я одним ловким прыжком очутился на спине расвирепевшей лошади. Конь взвился на дыбы, но я сейчас же осадил его, и он смирился.

К изумлению всех, я объехал двор и, чтобы доставить удовольствие дамам, подъехал к ним, прищпорив коня, вскочил через окно в залу, проехал вокруг стола шагом, рысью, галопом и наконец заставил лошадь вскочить на стол. Там я прогарцевал по всем правилам искусства верховой езды между хрустальными чашками и стаканами. Конь, никого не допуская к себе, так слушался повода, что не разбил ни одного стакана, ни одной чашки. Все гости остались очень довольны таким благоприятным исходом, а дамы смеялись до слёз.

Граф, в порыве восторга, подарил мне своего любимого скакуна с чистосердечными пожеланиями удачи в войне против турок.

– Пусть этот конь служит тебе, дорогой, неустрашимый Мюнхаузен, так же, как Буцефал служил Александру Македонскому.

После этого я поехал в Петербург представляться графу Миниху.

Приключения барона Мюнхаузена на войне против турок

Подарок любезного графа доставил мне очень большое удовольствие. Ведь, в самом деле, какой подарок подошёл бы мне лучше?

К тому же эта умная, понятливая и храбрая лошадь обещала мне в будущем очень многое. До меня она никого не подпускала к себе, и все боялись её необузданности, я же её усмирил, выездил, и она стала у меня кроткой, как овца, послушной и в то же время не потеряла своего горячего темперамента.

С ней я смело мог отправиться в Петербург для представления графу Миниху, чтобы вступить в русскую армию, сражавшуюся против турок. При виде своей лошади я всегда вспоминал подвиги юного Александра Македонского и меня тянуло к военной жизни.

Не успел я показаться со своей лошадейю на одной из улиц Петербурга, как весть о моём приезде молнией пронеслась по всему городу. Моя известность росла с каждым днём, и благодаря ей я заслужил большое доверие начальника. Все говорили об иностранце Мюнхаузене, который на чайном столе гарцевал на неукротимой лошади. Меня сейчас же назначили начальником отряда гусар, и предо мной открылось блестящее поприще. Я мог теперь как нельзя лучше показать свою удаль и храбрость.

Главной целью нашего похода было восстановление чести русского оружия, немного пострадавшего в сражении при Птуре в блестящее царствование Петра Великого. Нам удалось это сделать после целого ряда жесточайших битв и удивительных вылазок, которые увенчали нас громкой славой благодаря неизмеримому таланту нашего великого полководца. Скромность подчинённых запрещает или, скорее, не позволяет приписывать себе великих побед. Основываясь на этом, я не сравниваю себя с нашим знаменитым полководцем и не претендую на славу, хотя часть её по праву принадлежит мне. Ведь известно, что в военном деле всё зависит от общих усилий. Командуя отрядом лихих гусар, я совершил много доблестных подвигов, успех которых зависел от моей опытности и мужества. Но я хочу быть справедливым и должен сказать, что многое удалось благодаря моим храбрым товарищам.

Я никогда не забуду взятия Очакова. Перед началом осады этой крепости меня с небольшим отрядом гусар послали на разведку. Мы ушли

вперёд, оставив далеко позади наш авангард. В это время я увидел, что из города навстречу нам приближается отряд неприятеля. Как оказалось, турки сделали вылазку, которая окончилась для них очень печально. Сразу я не мог определить ни число врагов, ни расстояние, на котором они от нас находились, так как их закрывало громадное облако пыли. У меня мелькнула мысль воспользоваться услугой природы, чтобы обмануть турок. Мой отряд был очень незначителен, чтобы открыто вступать в бой, и здесь необходима была военная хитрость. Я немедленно приказал обоим флангам своего отряда как можно шире рассеяться по полю и поднять как можно больше пыли, а сам с частью отряда, где находились лучшие стрелки, атаковал неприятеля с фронта. Мне это удалось. Турки сначала сопротивлялись и могли бы причинить нам большой вред, но их смутили густые облака пыли по обе стороны нашего фронта. Они приняли наш небольшой отряд за целую армию в несколько тысяч человек. Мы бросились на них с громким криком «Ура!». Турки вздрогнули и в беспорядке стали отступать. Мы следовали за ними, постепенно рассеивая их сплочённые силы. Нам удалось не только загнать неприятеля в крепость, но даже выгнать его из крепости в противоположные ворота, которые я собственноручно открыл. Благодаря моей находчивости и способности пользоваться обстоятельствами мы имели такой успех, на который не могли даже надеяться.

Конь мой вихрем носился по улицам крепости, и я оставил позади свой отряд, который не успевал следовать за ним. Когда турки вышли из города и дверь была уже закрыта, я остановился среди базарной площади и хотел приказать трубить сбор. Но, повернувшись, к моему великому удивлению, я увидел, что все улицы пусты: ни трубачей, ни гусар, – я был один, как в пустыне!..

«Где же они? – подумал я и стал уже беспокоиться. – Должно быть, заблудились в незнакомом городе среди тесных улиц! Нет, сильно отстать они не могли! – успокаивал я себя, – они скоро нагонят меня...»

Ожидая гусар, я подъехал к колодцу, стоявшему посередине площади, чтобы дать измученному коню напиться. Он начал пить и пил так жадно, что можно было подумать, что его жажде не будет конца. Мне до этого

никогда не приходилось видеть, чтобы конь мог выпить столько воды. Наконец загадка разъяснилась. Я оглянулся и увидел ужасную вещь! Что бы вы думали?.. Я сидел на одной половине коня! Задней половины не было, она была точно отрезана. Сколько конь выпивал воды, столько сейчас же выливалось сзади на землю, и внутри животного не оставалось ни капли. Моему удивлению не было конца, я не мог понять, как это случилось! В этот момент ко мне подъехал вестовой, а за ним и остальные гусары. Все начали восхвалять меня, и пожелания дальнейших удач лились неудержимым потоком. Потом гусары рассказали мне следующее.

Преследуя по пятам бегущего неприятеля, я оставил свой отряд далеко позади и загнал бежавших турок в крепость. В то время, когда я с лошадью

находился под воротами, тяжёлая железная дверь внезапно опустилась и отрезала заднюю половину моей лошади. Но это нисколько не помешало передней части бежать за неприятелем. Наоборот, почувствовав лёгкость, лошадь помчалась вперёд ещё быстрее. Отрубленная половина некоторое время оставалась неподалёку от ворот, брыкаясь и разгоняя турок ударами копыт, а затем ускакала на ближайший луг, где я, вероятно, её и найду. Я тотчас помчался на указанный луг. К моей великой радости, я действительно нашёл там другую половину лошади, выделявавшую удивительные прыжки.

Не оставалось никакого сомнения в том, что обе половины моей лошади были живы, и я тотчас послал за ветеринарами и кузнецами, чтобы они сообща решили, как их соединить. Недолго думая, они решили сшить их прутьями лаврового дерева. Рана очень скоро совершенно зажила, не оставив никаких следов. Но при этом произошло нечто невероятное. Побегі пустили корни, и на теле лошади выросло большое лавровое дерево с прекрасными ветвями, образовавшими нечто вроде беседки. Таким образом, я был увенчан густым невянувшим лавровым венком и так не раз с триумфом въезжал в занятые города и крепости.

Упомяну ещё об одном случае, который произошёл после жаркого боя. Я так храбро, долго и так беспощадно дрался с неприятелем, что моя правая рука помимо воли продолжала подниматься и опускаться после битвы. Все мои усилия остановить её оказались безрезультатными, я боялся ранить себя или своих товарищей. Чтобы остановить руку, мне пришлось подвязать её, как после вывиха, и в таком положении носить в продолжение восьми дней.

Вы ещё не забыли, вероятно, моего рассказа о том, как я у всех на глазах вскочил на взбешённую лошадь и, усмирив её, заставил исполнять все мои желания. Этот мой поступок не позволит вам усомниться в том, что я намерен сейчас рассказать.

Мы осаждали город, название которого, право, уже забыл. Главнокомандующему очень важно было знать, что делается в неприятельском лагере. Проникнуть же туда не было никакой возможности, потому что нужно было пройти через все караулы, форпосты и укрепления. Осмелиться на такую вылазку никто не решался, так как никто не хотел идти на верную смерть.

Преисполненный храбрости, горя служебным рвением, я решил взяться за это дело. Я стал возле нашей большой пушки и в тот самый момент, когда раздался выстрел, вскочил на ядро и вихрем понёсся в город. Когда я был уже почти над самым городом и ядро начало опускаться, мне

пришла в голову новая мысль.

«Так! – подумал я. – Попасть в город легко, но как оттуда выйти? Что будет со мной, когда я появлюсь среди своих врагов? Ведь со всяким подозрительным человеком в таких случаях поступают, как со шпионом, и меня повесят на первом попавшемся дереве. Нет! – думаю я. – Это совсем недостойная смерть для барона Мюнхаузена».

Во время моих размышлений я заметил, что мимо меня пролетало ядро, пущенное из неприятельского города в наш лагерь. Я решил воспользоваться его услугами, быстро перескочил на него и, совершенно невредимый, счастливо возвратился к своему отряду, не выполнив, однако, своей задачи. Моя поездка на ядре в лагерь неприятеля вызвала много толков и удивления, но я не обращал внимания на похвалы, так как был очень огорчён тем, что мне не удалось исполнить своей миссии.

Вам уже известна моя ловкость, отвага, неустрашимость и настойчивость, но и лошадь моя несколько не уступала мне в этом отношении. Ни рвы, ни овраги, ни заборы не пугали её, – она всегда шла вперёд, не страшась препятствий.

Однажды я выехал в поле освежиться после долгих и кровавых битв. Неожиданно из-под ног лошади выскочил заяц и побежал через дорогу. Я стал его преследовать. Спасаясь от меня, заяц перебегал дорогу в ту минуту, когда по ней проезжала карета с открытыми окнами; в карете сидели две очень хорошенькие дамы.

Я уже оробел, так как моя лошадь с разгону могла разбиться о карету, но, к моему удивлению, лошадь так быстро и легко проскочила через открытые окна сквозь карету, что я не успел даже снять шляпу и раскланяться с дамами.

Когда я очнулся от смущения и оглянулся, мы находились уже очень далеко от дороги и, как потом оказалось, обогнали зайца на полмили, а заяц стал на задние лапки и с презрительной иронией смотрел на нас. Я был уверен, что мы в несколько минут нагнали бы его, если бы вернулись обратно, но я не хотел больше из-за зайца беспокоить свою лошадь.

Приключения барона Мюнхаузена в плену у турок и возвращение на родину

В жизни очень часто случаются неожиданности. Как мне ни везло во время турецкой войны, а конец всё же был невесёлый. Не помогли мне ни ловкость моя, ни мужество, ни быстрота и выносливость моей лошади. Я попал в плен к туркам, разделив эту несчастную участь со своими товарищами. Вообще плен не страшен, но для военного человека очень тяжёл, так как неприятно сознавать свою беспомощность, в то время как твои соратники доблестно защищаются и покрывают себя славой новых побед. На меня хуже всего подействовал странный обычай турок продавать пленников, как невольников, в услужение сановникам.

К моему несчастью, меня не выменяли на какого-нибудь пленного турка, а отправили в турецкую столицу Константинополь и продали в рабство. Я был принуждён исполнять странную работу, не трудную, но очень скучную: меня назначили пчеловодом в саду султана. Я должен был каждое утро выгонять всех пчёл на луг, пасти и сторожить их там целый день, а к вечеру опять загонять всех до одной в ульи. Признаться, мне, начальнику целого отряда гусар, такое занятие было очень обидным, но делать было нечего, и я решил примириться со своим новым положением. Моя осведомлённость во всех делах и здесь помогла мне, – я очень скоро познакомился со всеми своими воспитанницами и мог свободно отличать одну от другой. Как-то вечером я загонял своих пчёл в ульи и заметил, что одной из них не хватает. Оглянувшись, я увидел, что два больших медведя напали на бедную пчёлку. Видно, они хотели разорвать её в клочки, надеясь полакомиться мёдом. Подойти к ним без всякого оружия было опасно, а со мной не было ничего, кроме серебряного топора. Каждый раб султана, служивший в его садах, имел при себе такой серебряный топор. Я бросил его в медведей, чтобы хотя бы напугать их. В медведя я не попал, но мне удалось освободить несчастную пчёлку от страшных зверей, так как они испугались и быстро удалились в лес. Топор же, брошенный с большой силой, пролетев над головами медведей, летел всё выше и выше, пока, наконец, не упал на Луну.

Как его теперь достать? Где я возьму такую лестницу, чтобы влезть на Луну? Тут я вспомнил, что турецкие бобы растут быстро и часто достигают необыкновенной высоты.

«Попробую, может быть, что-нибудь из этого и выйдет!» – подумал я и немедленно посадил в землю несколько бобов. И что вы думаете? Последствия превзошли все мои ожидания! Боб стал расти так быстро, что моему удивлению не было конца. У меня на глазах стебель тянулся вверх и, наконец, поднялся так высоко, что через несколько часов его верхушка спряталась в небе и своими усиками зацепилась за нижний рожок Луны. Я был в полной уверенности, что вся Луна обвита цепкими усиками бобов, и немедленно полез по крепкому стеблю на небесное светило.

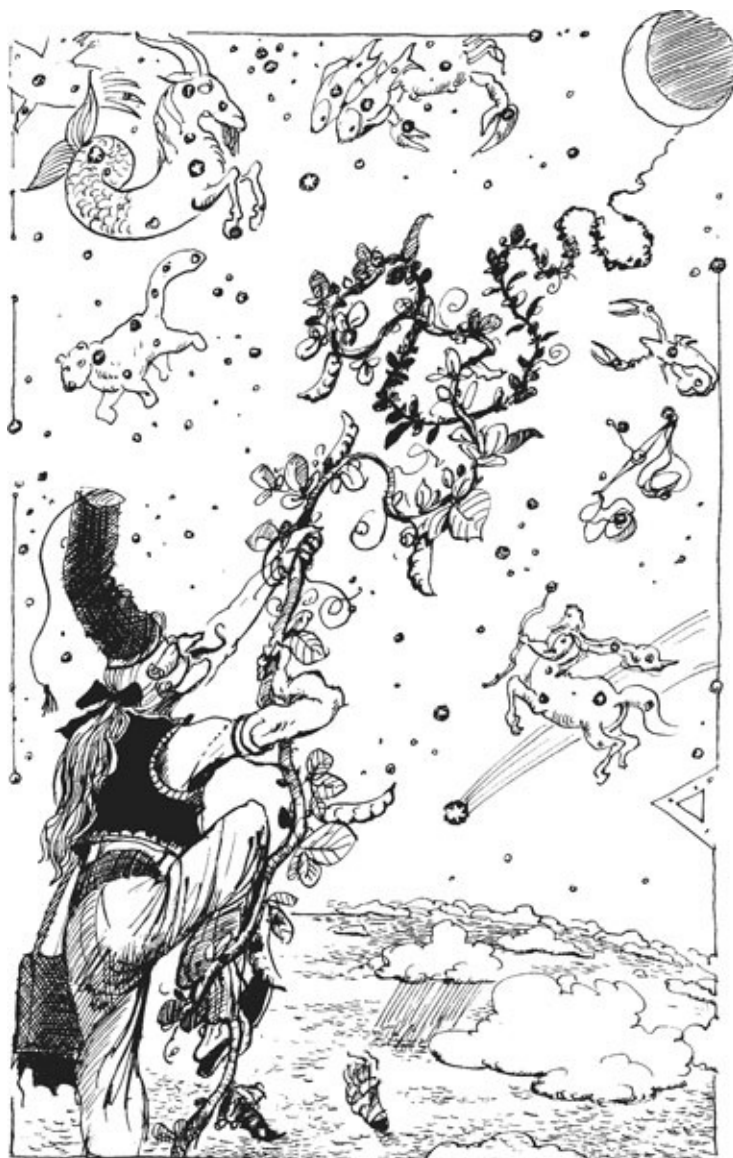
Мне пришлось употребить много сил и настойчивости, чтобы справиться с назойливыми усиками, которые завивались о мои руки и ноги, но в конце концов я добрался до Луны без всяких серьёзных повреждений.

Найти серебряный топор было очень трудно, – там всё блестело, будто выкованное из серебра, и в таком сверкании невозможно было сразу его рассмотреть. Всё же через несколько часов я нашёл его в большой куче соломы и другого мусора.

Теперь нужно было спуститься обратно на Землю, так как жизнь на Луне мне показалась непривлекательной. Но, пока я искал свой топор, жгучие солнечные лучи так высушили усики и все листья моего боба, что он мог рассыпаться в любой момент. У меня же не было никакого желания при спуске сломать себе шею, и я стал придумывать другой способ передвижения.

«Что же мне делать?» – грызла меня неотступная мысль. Я вспомнил про солому, в которой нашёл свой топор, и сейчас же свил из неё длинную верёвку. Обрадованный собственной находкой, я быстро привязал конец верёвки к одному из рогов Луны и с осторожностью стал спускаться по ней вниз. Моя левая рука скользила по верёвке, а правой я держал свой топор. Таким образом я прополз по верёвке до самого конца, а дальше – хоть виси между небом и землёй! Но я быстро догадался, как помочь горю: обрубил у себя над головой лишний конец верёвки, привязал его к нижнему и стал опять спускаться. Так я подвигался всё ниже и ниже, пока не добрался до облаков. Но от частого обрубания и связывания моя верёвка перетёрлась и оборвалась, и я полетел на землю.

Упав с большой высоты, я получил сильный удар и потерял сознание. Когда я раскрыл глаза, то, к своему удивлению, увидел, что моё тело в силу инерции вошло в землю по крайней мере футов на девять. Отдохнув немного, я принялся устраивать нечто вроде лестницы и с трудом выбрался из ямы. Мой вид был ужасен, вы сами можете догадаться, как я выглядел после таких приключений.

Это страшное происшествие дало повод многим словоохотливым рассказчикам пустить нелепый слух, будто я ногтями выцарапал ступеньки, по которым взобрался на поверхность земли. Но кто не знает, что это только злая шутка? Зачем мне было употреблять ногти, когда со мной был серебряный топор, которым удобнее и легче сделать лестницу! Трудно представить, как мне вредят все эти непрошеные рассказчики. От них можно услышать такие небылицы, которые поистине подрывают веру во все мои рассказы о действительных приключениях.

Могу вам рассказать ещё об одном происшествии, случившемся со мной, когда я пас пчёл. Вам известно, что медведи очень любят мёд, и мне они прямо-таки не давали покоя. Несколько пчёл они разорвали в клочки, почуяв в них мёд; наконец, грозили разбить улей. Нужно было как-то

освободиться от их назойливости. Я припомнил, что в детстве ловил мух на палку, обмазанную клейким сиропом, и решил применить такой же способ к ловле медведей.

Недолго думая, я приступил к выполнению своего плана.

Наступил вечер, приближалось удобное время для моего опыта. Я обмазал мёдом оглоблю стоявшей на пасеке кареты, а сам спрятался в густых кустах цветущей сирени. Выждать, к счастью, долго не пришлось. Но, почуяв запах мёда, огромный медведь неуклюже приблизился прямо к карете и стал так жадно лизать мёд, что не почувствовал даже, как начал зализывать в горло оглоблю. Оглобля постепенно прошла в пасть, через горло в желудок и наконец через все внутренности вышла наружу. Я следил в кустах за каждым движением медведя и с нетерпением ждал, когда он проглотит всю оглоблю.

Ранним утром, во время своей прогулки, султан зашёл на пасеку и, увидев медведя, насквозь проткнутого оглоблей, смеялся до слёз. Он попросил меня рассказать, как я ухитрился это сделать, и мне удалось приобрести большое расположение султана.

Вскоре после этого случая Россия заключила мир с Турцией. Меня, вместе с другими военнопленными, отправили почтовым фургоном на родину.

Зима в этот год стояла страшно суровая. От сильного холода даже солнце отморозило себе уши и получило крепкий насморк, а на лице его до сих пор остались тёмные пятна после тех невиданных морозов. Вот эти-то холода заставили меня на обратном пути пережить больше невзгод и неудобств, чем когда я путешествовал по России.

Приключений в этой поездке была такая масса, что не хватило бы дня и ночи непрерывно рассказывать вам, но, чтобы дать хоть малейшее представление о тех холодах, я расскажу вот о чём.

В плен меня взяли вместе с моим любимым конём, а так как он был очень редкой породы, султан распорядился оставить его в своих конюшнях и никогда не показывать его мне из опасения, чтобы я не удрал из плена.

После заключения мира, несмотря на мои просьбы, моего коня мне так и не вернули, и я должен был возвращаться на почтовых перекладных.

Однажды мы проезжали лощиной по узкой тропинке между холмами. Чтобы не натолкнуться на кого-нибудь впереди, я приказал ямщику трубить в рожок и таким образом останавливать едущих нам навстречу. Парень послушался и стал дуть в свой рожок изо всех сил. Не раздалось ни одного звука! Он снова понатужился: дул, дул, но все старания были напрасны. Кто-то сказал даже, что это нехороший знак, но я не суеверен и не обратил

на это никакого внимания. Неприятно было, однако, то, что каждую минуту мы могли столкнуться с такими же несчастными путниками. Но делать нечего; мы двинулись вперёд на авось и действительно вскоре увидели приближающуюся нам навстречу карету, занявшую всю дорогу, так что разминуться не было никакой возможности.

Вот досада, хоть возвращайся назад! «Нет», – подумал я, сейчас же соскочил со своей кареты и вместе с ямщиком выпряг лошадей. Потом я взял на плечи карету со всей поклажей, перепрыгнул на холм и пробрался через громадные сугробы снега и глубокие рвы в поле. Это была нелёгкая задача, но я выполнил её безукоризненно, даже не сдвинув с места багаж. Таким же образом я перенёс лошадей, взяв под мышку по лошади. Признаюсь, лошадей было переносить гораздо труднее, так как живое существо сопротивляется, и две лошади вместе весили куда больше одной кареты. Но возвращаться за каждой в отдельности я счёл для себя унижительным и в один прыжок был уже возле кареты с двумя лошадьми.

Когда ехавшая нам навстречу карета проехала, я снова перенёс на дорогу карету, а затем и лошадей. Ямщик, обрадованный таким исходом неприятной встречи, уже сам впряг лошадей, и мы, без всяких приключений, счастливо доехали до следующей почтовой станции.

Да, я забыл вам сказать, что одна из лошадей была ещё очень молодая и пугливая. В то время, как я второй раз переносил её уже с поля на дорогу, она так расходилась и стала так сильно бить ногами, что привела меня на одну минуту в сильное замешательство. Выпустить её из-под руки я не мог, так как она могла убежать и завязнуть где-нибудь в сугробе. Усмирить её тоже было трудно, так как обе руки были заняты. Тогда я засунул её ноги в карман своего сюртука, и она вынуждена была смириться.

Вы, должно быть, думаете, когда же я наконец расскажу о морозах?

Попрошу вас быть терпеливыми, сейчас вы узнаете и об этом. Угадайте, почему рожок не играл, хотя ямщик дул в него так сильно, что чуть не лопнул? Я вам расскажу.

Мы добрались до почтовой станции. Ямщик мой уселся поближе к печке, повесил на один гвоздь шапку, на другой гвоздь, над самым камином, повесил рожок. Я тем временем задремал после утомительной дороги. Вдруг над нашими головами раздались оглушительные звуки.

– Тра-та-та! Тра-ра-ра!.. Ту-ту-ту!..

Я был в недоумении, не понимая, в чём дело. Ямщик подумал было, что это тревога; но дело скоро выяснилось. Рожок от тепла оттаял и без посторонней помощи, сам собой начал играть всё то, что за целый день надул в него ямщик. Сначала он дал сигналы, которые были сделаны ямщиком, когда мы ехали по узкой тропинке меж холмов; потом рожок заиграл что-то весёлое на мотив «По улице мостовой».

Мы в изумлении смотрели друг на друга, как бы спрашивая, что это такое? Чистые и ясные звуки всё продолжали свободно выходить из рожка, напевая различные мелодии русских народных песен. Этот интересный инструмент в продолжение целого часа забавлял нас прекрасными произведениями. Нам удалось познакомиться с такими песнями, как «Закувала та сыва зозуля», «Ой зацвела червона калына», и многими другими. Между прочим, были и исторические думы о вольных походах запорожцев на турецкие владения. Случай с рожком, кажется, был последним приключением во время моего путешествия по России.

Так вот, милостивые государи, теперь вам, должно быть, ясно, что в России бывают такие морозы, от которых даже звуки замерзают.

Вы улыбаетесь?!. Я сам не люблю, когда путешественники,

рассказывая о своих приключениях, говорят гораздо больше, чем было в действительности. Нет ничего удивительного, что подобные истории вам кажутся иногда невероятными и невозможными.

Но смею вас уверить, что в моих приключениях нет ни капли вымысла, и мне чрезвычайно больно и обидно ваше недоверие, тем более что я намереваюсь рассказать вам ещё о своём морском путешествии и приключениях на море.

Всем известно, что море богаче всякими необыкновенными происшествиями, чем суша.

Если вы не доверяете моим рассказам о приключениях на суше, то что же будет с приключениями на море?

Господа, я очень прошу усомнившихся в истине моих рассказов сознаться и отложить эту книгу. Я не могу свободно рассказывать вам о своих действительных приключениях, сознавая, что мне не верят, пожимают плечами, переглядываются и даже без стеснения смеются. Все мои дальнейшие приключения столь же правдивы, как и предыдущие, несмотря на кажущуюся невероятность.

Приключения на море во время первого путешествия

Первое путешествие в моей жизни относится к далёкому прошлому. Я был тогда очень молод. Это было ещё задолго до моего путешествия в Россию, с которым я имел честь вкратце познакомить вас. Теперь же я хочу кое-что рассказать вам о моих приключениях на море в годы прекрасной юности. События, о которых я буду говорить, безусловно, правдивы, в чём, я думаю, вы сомневаться не будете, несмотря на невероятность этих удивительных приключений.

Я был тогда едва оперившимся птенчиком и не совсем ещё отвык от детских привычек. Самостоятельности во мне было очень мало, и я мирно и счастливо проживал под родительским крылышком.

Мой дядя по матери занимал высокий пост в посольстве на острове Цейлон и страшно любил меня. Мне же очень нравились его форма гусарского офицера, его высокий рост, статность и длинные, чёрные, как смоль, усы. Меня почему-то все называли проказником и даже говорили, что мой белый пушок под носом и на подбородке не успеет вырасти, как я где-нибудь сломаю себе голову.

Может быть, родители думали так потому, что я целые дни и ночи только и мечтал о путешествиях и о страшных приключениях, где всегда рисовал себя победителем. Даже во сне я летал через моря и горы, и когда с испугу просыпался, то видел, что лежу на полу. Сёстры смеялись надо мной, говоря, что я летаю с кровати на пол.

Должен заметить, что отец мой провёл большую часть своей жизни в кругосветных путешествиях и в зимние долгие вечера любил угощать нас рассказами о своих приключениях. Теперь я объясняю свою страсть к путешествиям не только врождённой склонностью, но и тем, что я следовал примеру отца.

Я наслушался так много всяких занимательных рассказов о приключениях и лишениях путешественников, что считал себя уже достаточно закалённым и отважным. Мне страшно хотелось вырваться из дому и начать самостоятельную жизнь. Всякий раз при удобном случае я просил у отца позволения побывать в чужих странах.

Отец, сам привыкший к путешествиям, немного сочувствовал мне. Он понимал, что мне тяжело томиться в родной семье без особого дела, быть просто нахлебником, но мать и тётя ни за что не решались отпустить меня из дому. Никакие мои просьбы и мольбы ни к чему не приводили.

Наконец, мне повезло, и случаю, самому обыкновенному случаю, угодно было удовлетворить моё страстное желание.

Я узнал, что к нам должен приехать мой дядя, гвардейский офицер,

который очень любил меня. Он часто говорил мне: «Если тебе что-нибудь будет нужно, обращай ко мне, и я для тебя всё устрою». Я старался в его присутствии быть тихим, покорным, хорошим юношей, чтобы не потерять его расположение. Однажды я поделился с дядей своей мечтой отправиться путешествовать, и он мне ответил, что сделает всё зависящее от него, чтобы помочь исполнению моего желания.

Моей радости не было конца, и я уже был уверен, что дело пойдёт на лад. Дядя красноречиво стал доказывать, что мне просто необходимо увидеть свет. После долгих увещаний, возражений и обсуждений, к великой моей радости, все согласились, чтобы я отправился с ним на остров Цейлон, где он много лет занимал ответственный служебный пост. Я быстро стал собираться в дальнюю дорогу и через несколько минут уже был совершенно готов к отплытию в чужие страны, но все начали смеяться над моей чрезмерной поспешностью. Пришлось ждать ещё недели две, пока мы наконец выехали в Голландию, чтобы взять там некоторые поручения и документы, и затем уже отправились в путешествие.

Мы отплыли из голландского порта Амстердам. Морское путешествие было для меня новым и интересным. Переезд был благополучным. Только однажды в пути нас застала страшная буря. Последствия её были столь замечательные, что я скажу об этом несколько слов.

Буря эта разразилась как раз в то время, когда мы бросили якорь у одного небольшого островка, чтобы запастись там пресной водой и углём. Она так сильно бушевала, что вырывала с корнем множество деревьев и поднимала их в воздух. Страшно было смотреть, как стихия играла этими великанами, точно пылинками. Деревья в несколько сотен пудов весом подняло на неизмеримую вышину, так что они казались маленькими точками и кружились там, точно пух отцветшего одуванчика. Море так бушевало, что приводило в ужас весь экипаж нашего парохода, который

качался, как щепка, на поверхности пенистых валов. Я впервые видел страшную силу природы, которая, казалось, жаждала жертв, без умолку завывал сильный ветер, наводя панику на всё живое.

Спустя некоторое время буря утихла, и тогда мы увидели чудесное явление природы. Все деревья, носившиеся в воздухе, вдруг опустились на землю. Каждое попало на своё прежнее место, сейчас же пустило корни и продолжало свой рост, как будто с ним ничего не произошло. От опустошительной грозной бури не осталось даже следа. Все деревья по-прежнему спокойно росли, и листья невнятно пели тихую песенку, шептались и целовались друг с другом.

Впрочем, одно дерево составляло исключение. Перед началом бури один туземец со своей женой приставили к дереву лестницу, чтобы нарвать огурцов на ужин, так как эти овощи растут там не на грядках, как у нас, а на ветвях деревьев. В это самое время поднялся страшный вихрь, вырвал дерево с корнями и понёс его по воздуху вместе с людьми.

Почтенная парочка терпеливо совершила воздушное путешествие, но под их тяжестью дерево изменило своё направление и упало на землю не корнями, а горизонтально, поперёк одной улицы столичного города, перегородив дорогу пешеходам и проезжим. В это время повелитель страны ехал по одной из улиц ко дворцу. Дерево с огурцами упало прямо на его коляску и, к счастью, раздавило его.

Вам покажется странным, что я говорю «к счастью»?

Но дело в том, что повелитель этой страны, говоря правду, был ужасным тираном, и жители острова, не исключая и любимцев его, были несчастнейшими в мире созданиями. Когда весть о смерти повелителя распространилась по стране, жители вздохнули свободно и стали благодарить небеса за избавление от мучителя острова. Повелитель был страшно скуп, строг и несправедлив. В его закромах гнили обильные запасы хлеба, в то время как народ голодал.

Недовольный народ волновался, но ничего не мог сделать против вопиющей несправедливости.

Никакие другие страны не грозили острову войной, и повелителю нечего было бояться внешних врагов. Тем не менее он заставлял всех молодых людей нести военную службу и часто продавал их тем из своих соседей, кто предлагал ему больше серебра и золота. Солдаты безмолвно шли в чужую страну, покидая на своей родине любимую семью.

Ходил упорный слух, что повелитель был очень богат и у него были миллионы морских раковин, доставшиеся ему в наследство от отца, а он с жадностью продолжал копить новые миллионы, продавая в рабство

население своей страны.

Обрадованное население ликovalo, восхваляя счастливую чету, благодаря которой дерево упало на карету правителя. В благодарность за великую услугу, оказанную этими людьми соотечественникам, все единогласно решили возвести их на трон. Несколько дней продолжались великие торжества, а этот знаменательный день был объявлен праздником на все последующие годы.

Бедные люди не знали, что им делать и как благодарить народ за оказанную честь, поэтому они беспрекословно исполняли все его повеления. Добрые люди во время своего воздушного путешествия так близко видели солнце, что блеск этого небесного светила несколько

отуманил их глаза и ум, но тем не менее они так хорошо управляли страной, что каждый подданный, кушая огурцы, почтительно приговаривал:

– Господи! Сохрани жизнь нашему правителю и его супруге на долгое время для благополучия нашей страны.

Я больше не был на этом острове, но слышал, что там навсегда прекратился голод и остров этот стал очень богатой культурной и промышленной страной.

Как только буря утихла, мы починили свой корабль, несколько пострадавший от сильной качки, запаслись достаточным количеством пресной воды, угля и продуктов и, любезно простившись с новыми правителями острова и его гостеприимным населением, отправились в море. Когда наш корабль отчаливал от берега, нас провожала огромная толпа туземцев. Многие так громко плакали и кричали, что рыба в море была оглушена и всплыла на поверхность. Чистосердечие и радушие этого замечательного народа тронули меня, и я сам готов был заплакать.

От этого острова до Цейлона мы плыли довольно долго и только через шесть недель благополучно достигли места назначения.

Пребывание барона на острове Цейлон

Прошло несколько дней после нашего приезда на остров, и я немного отдохнул от продолжительного путешествия. Меня ввели в высший свет и рассказали о моей любви к путешествиям. Так как я был иностранцем, всем было интересно поговорить со мной. Особенно я подружился со старшим сыном губернатора. Это был высокий, сильный юноша. Как-то раз он предложил мне пойти с ним на охоту, и я с большим удовольствием согласился. Не буду себя хвалить, а просто скажу, что я превосходил его во многом и уступал только в одном. Он, как туземец, привыкший к местному климату, легко переносил нестерпимый зной. Я мучился от жары и уставал до невозможности, а он свободно шагал всё вперёд и вперёд. Вы только представьте себе, что солнечные лучи растопляли оловянные пуговицы моей тужурки и олово стекало с них, как воск со свечи. Ружьё моё накалялось до того, что я боялся, как бы порох не вспыхнул сам собой и не произвёл бы выстрела.

Во избежание такой неприятности я придумал вот что: пот от сильного зноя лил с меня ручьями, и платок, которым я каждую минуту обтирался, промокал насквозь, как будто его смачивали водою. Я сообразил, что мокрым платком можно охладить накалённое железо в ружейном замке. Каждый раз, когда я накладывал влажный платок, раскалённое железо замка шипело, точно плита, когда на неё прольётся жидкость.

В таком невыносимо жарком климате мне, европейцу, приходилось очень плохо, я не мог идти вместе со своим товарищем и вынужден был лечь отдохнуть, чтобы набраться новых сил.

Я выбрал уютное местечко над самым берегом какой-то широкой реки в густом, тенистом лесу. Тень его так и манила меня в свои объятия, и я хотел уже расположиться для отдыха, как услышал позади себя в кустах какой-то шорох.

Я невольно оглянулся и окаменел: огромный лев осторожно, как кошка, крался ко мне. В его глазах, налитых кровью, я ясно читал непреодолимое желание полакомиться мной без моего на то позволения. Он увидел, что я заметил его, и оглушительно заревел. Я совсем растерялся, увидев так близко страшного зверя, и схватился за ружьё, не сообразив даже, что мой выстрел только раздражит его ещё больше, так как ружьё было заряжено заячьей дробью. Но где тут было соображать?

Я прицелился и выстрелил. Лев потряс головой, его косматая грива

зашевелилась, вселяя в меня невыразимый ужас, зарычал ещё с большей силой и бросился прямо на меня.

Что я в эту минуту почувствовал, трудно описать. Я инстинктивно повернулся и намеревался бежать, совершенно выпустив из виду, что это самый неразумный выход в опасных случаях на охоте. В это время я увидел...

Боже мой, я содрогаюсь при одной только мысли об этом! В нескольких шагах от себя я увидел огромного крокодила, раскрывшего страшную пасть и выжидавшего удобного момента, чтобы меня проглотить.

Все мои надежды на спасение рухнули! Даже теперь у меня по телу пробегают мурашки при воспоминании о том ужасном положении.

Впереди – открытая пасть крокодила, позади – разъярённый лев, слева бурлил быстрый поток, а справа была зияющая пропасть, на дне которой кишели ядовитые змеи.

Я потерял сознание и упал на землю. Я думал о страшной смерти, так как был уверен, что мне не миновать зубастых челюстей крокодила или же пасти и когтей косматого льва. В подобную минуту, наверное, и сам Геркулес испугался бы не меньше меня.

Да, милостивые государи, я испытал страх перед смертью, мне пришлось взглянуть ей прямо в глаза.

Вы бледнеете? О успокойтесь, мои милые, дело уладилось как нельзя лучше, и я остался, как видите, жив. Сейчас я расскажу, как это случилось. Когда я лежал на земле, рассвирепевший лев, не рассчитав прыжка, перескочил через меня и попал головой прямо в пасть крокодила.

Раздался сильный рёв и ужасный стон. Немного приподняв голову, я увидел, что я был спасён. Понимаете, спасён от верной смерти! Ведь я себя уже тогда приписал к лику святых мучеников.

Голова льва застряла в зубах чудовища, и они оба старались освободиться друг от друга. Но лев не мог вытащить голову, а крокодил был не в состоянии его проглотить.

Я же моментально вскочил на ноги, вынул из-за пояса свой охотничий нож и одним ударом отсёк голову льву.

Его громоздкое туловище дрогнуло и тяжело упало к моим ногам в предсмертных судорогах, а голову я ружейным прикладом затолкал в пасть крокодила, так что тот задохнулся и околел на моих глазах.

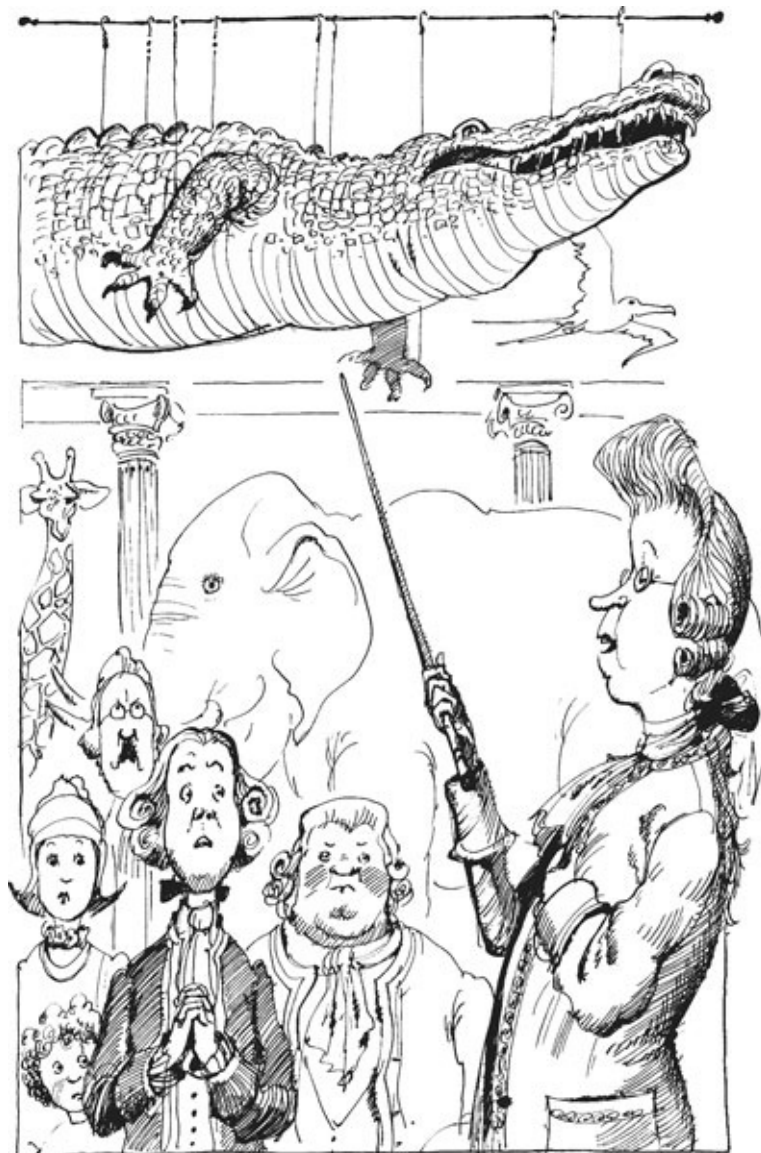
Таким образом я избавился сразу от двух опасных врагов. Всё это произошло благодаря счастливому случаю и моей находчивости.

Через некоторое время после окончания этой борьбы пришёл мой товарищ, сын губернатора, которого сильно беспокоило моё отсутствие.

Он догадывался, что со мною что-то случилось, но никогда ещё не видел и не слышал даже, чтобы один человек, почти без оружия, смог убить сразу льва и огромнейшего крокодила. Он радостно меня приветствовал, и мы вместе измерили крокодила. Оказалось, что он был около семи сажень в длину.

Дома мы рассказали об этом необыкновенном происшествии губернатору. Он велел немедленно послать телегу и людей, чтобы привезти обоих животных.

При губернаторском дворе на острове Цейлон жил замечательный шорник. Когда он узнал об этом случае, то сам предложил мне сделать из шкуры льва сумки. Я охотно согласился, и в короткое время он доставил мне на квартиру множество сумок удивительной работы.

Некоторые я раздарил знакомым на память о моём пребывании на острове Цейлон, остальные же позднее подарил амстердамскому бургомистру, который хотел отблагодарить меня тысячей червонцев, но я, конечно, отклонил его любезное предложение.

Из крокодила получилось прекрасное чучело, составляющее теперь одно из лучших украшений амстердамского музея. Все посетители этого музея всегда с любопытством останавливаются и долго всматриваются в чудовище, а служитель музея рассказывает каждому, каким образом чучело попало в музей.

Только я должен заметить, что об этом приключении каждый рассказывает по-своему, с большими преувеличениями, так что слушателю трудно поверить в правдивость рассказа. Так, например, служитель рассказывает, что лев хотел проскочить сквозь крокодила и уже прошёл всю длину его, но в то время, когда он показал свою голову из туловища крокодила, барон отрубил её.

«Крокодил сейчас же повернулся, – так продолжает мой рассказчик, – и, раздражённый выходкой льва, выхватил из рук барона его охотничий нож и с таким неистовством проглотил его, что он прошёл через сердце чудовища, и страшилище погибло в страшных мучениях».

Такие небылицы только подрывают доверие моих уважаемых слушателей. В наш век сомнений многие, не знающие меня, из-за грубой лжи этого человека могут не поверить в мои правдивые рассказы. Уже и теперь, когда я сам рассказываю о приключении с крокодилом, люди, бывшие в музее, с полуулыбкой говорят: «Мы уже слышали об этом в амстердамском музее!» Поверьте, господа, что каждый благородный человек после этого должен почувствовать себя глубоко оскорблённым. Уверю вас, мне это обидно и досадно.

Приключения на море по дороге в Америку

С острова Цейлон наш корабль направился мимо Вест-Индских островов в Северную Америку. Мой родственник, с которым я вас уже познакомил, получил важные поручения от английского правительства, и для их выполнения нужно было плыть к Вест-Индским островам.

Экипаж нашего корабля состоял из 1400 человек; на корабле было сто пушек. Нагрузившись углём, пресной водой и припасами, мы поплыли к Гольфстриму. Мне в первый раз пришлось познакомиться с этим течением, и я никогда не мог себе представить, что увижу такие удивительные вещи. Не могу без удовольствия вспоминать об этом путешествии.

Погода была жаркая; вода вокруг нашего корабля кипела, как в котле. На корабле мы даже плиты не топили, чтобы варить себе обед, а просто в сетке опускали в море сырое мясо или яйца, и через две-три минуты пища была готова. При этом она обладала таким вкусом, какой может придать не всякий повар.

Меня страшно удивляло ещё то обстоятельство, что, несмотря на высокую температуру, в воде копошилось множество рыбы различной величины и самых разнообразных видов. Как они могли жить в кипятке? Пища варилась в этой воде в продолжение нескольких минут, а они совершенно свободно плавали, как в обыкновенной воде.

Я объясняю такое явление тем, что рыбы постепенно привыкли к такой температуре, так как вода, должно быть, нагревалась в продолжение нескольких лет. Но стоило их вынуть из воды, они моментально умирали, причём оказывались совсем сваренными, так что мы во время всего пути ели их вкусное мясо, не прибегая к услугам повара.

Это обстоятельство объясняется очень просто: воздух гораздо холоднее воды, и, когда рыбу вынимали из моря, жар ударял ей внутрь и вызывал моментальную смерть. В этом, я думаю, нет ничего сверхъестественного. Это самое обыкновенное явление природы, которая, как оказывается, бывает очень услужлива и даже гостеприимна.

Наконец мы приплыли к Вест-Индским островам. Я мог бы вам рассказать о многих приключениях на них, но оставляю это до следующего раза, а сейчас познакомлю вас с моими морскими приключениями на пути в Америку. Впрочем, упомяну только об одном случае в Вест-Индии.

Однажды я имел удовольствие видеть вест-индского короля, проезжавшего по главной улице в парламент. Он сидел в парадной карете, а за ним и вокруг него ехала многочисленная свита и придворные дамы необыкновенной красоты. Меня поразили наряды всех слуг и кучеров, не говоря уже о нарядах свиты и придворных дам.

На козлах королевской кареты сидел кучер в большой шляпе со страусиными перьями необыкновенной величины. Своим кнутом он совершенно ясно рисовал в воздухе инициалы королевского имени, корону и государственный герб.

Его искусство привлекало большие толпы зрителей, и трудно было угадать, на кого смотрела толпа: на этого толстого кучера и его шляпу или

же на своего короля. Дальше, во время переезда в Америку, мы пережили несколько неприятных происшествий. Первое из них произвело на нашем корабле большие опустошения. Это было недалеко от острова Ньюфаундленд. Наш корабль нёсся на всех парусах и вдруг наскочил на что-то, показавшееся нам подводной скалой.

Капитан схватил карту и тщательно рассматривал её, но ни скалы, ни мели на том месте, где мы остановились, обозначено не было. Мы подумали, что это временный нанос песка, и приступили к исследованию морского дна. Но на расстоянии пятисот сажений дна мы так и не обнаружили.

Между тем удар был так силён, что мы лишились руля, мачты сломались, а некоторые из них почему-то раскололись от основания до самой верхушки, и щепки от них забросали всю палубу.

Весь экипаж пришёл в ужас, так как никто не мог объяснить подобного явления. Больше всех пострадал один матрос, который в это время сворачивал главный парус. Его, бедняжку, отбросило от корабля по крайней мере на три английские мили. Он упал в морскую пучину и, без всякого сомнения, погиб бы в морских волнах, если бы во время этого падения мимо него не пролетал большой красный гусь.

Падая в воду, матрос схватился за хвост этого северного гуся, благодаря чему он не ушибся и свободно удержался на поверхности моря. Не теряя времени, он обхватил длинную шею гуся одной рукой, а другой направил его к кораблю, который казался ему маленькой точкой.

Заметив странный экипаж, приближавшийся к нам, мы опознали своего товарища и с трудом вытащили его на палубу вместе с тем гусём. Когда матрос пришёл в себя, он рассказал, что сидел на гусе, точно на пуховике, и чувствовал себя превосходно.

О силе толчка вы можете судить уже из того, что все люди, находившиеся на средней палубе, подскочили до потолка и получили серьёзные ушибы, а я так сильно ударился головой о потолок, что она ушла глубоко в плечи.

Что вы смеётесь? Думаете, я шучу? Уверяю вас, что прошло несколько месяцев, пока корабельному врачу удалось немного вытянуть её из туловища благодаря беспрестанному серьёзному лечению. Я немало помучился, пока голова поднялась до глаз. Мне приходилось ходить с провожатым, потому что я ничего не видел перед собой. Мало-помалу голова стала принимать своё естественное положение и, наконец, выправилась окончательно.

В недоумении мы ещё искали скалу, о которую ударился наш корабль,

и не успели оправиться от ужаса и смущения, как вдруг все наши догадки разрешились самым неожиданным образом.

Капитан суетился и бегал по палубе, делая различные распоряжения машинному отделению и матросам, но толку было мало. Во время этой суеты корабль неожиданно зашатался, и из-под него вынырнул громадный кит. Он, очевидно, преспокойно спал на поверхности воды, согреваемый приятными лучами солнца, а мы, не заметив морского великана, наехали ему на спину и потревожили его тихий, сладкий сон.

Своей неосторожностью мы его так разозлили, что он одним ударом хвоста поломал все мачты на корабле и привёл в ужас весь экипаж. В сильном гневе он схватил бездонной пастью большой якорь с цепью, висевший на корме корабля, и потащил нас вперёд с бешеной скоростью.

Таким образом он протащил нас целых тринадцать часов, и мы ничего не могли сделать. К счастью, якорная цепь оборвалась, и мы, потеряв свой якорь, помчались прямо к устью реки Святого Лаврентия. Кто знает, что могло бы случиться с нами, если бы не оборвалась цепь!

Постепенно скорость корабля уменьшалась, и нам удалось, наконец, остановить его. Мы починили пострадавшую палубу, поставили новые мачты, укрепили снасти и паруса и опять повернули на юг.

Через некоторое время, когда мы доплыли до того места, где столкнулись с китом, мы нашли своего злого врага уже мёртвым. Его громадное тело плавало на поверхности воды, точно остров, и занимало немногим больше мили.

Сначала мы хотели взять его целиком, но наш корабль не в состоянии был тянуть за собой такую тушу. Некоторые матросы советовали разрезать кита на части и сложить на корабле, но этого нельзя было сделать, так как наше судно могло потонуть от перегрузки. Мы решили взять только одну голову, которую с большим трудом отрезали и вытянули на борт.

Представьте нашу радость, когда в пасти кита мы нашли свой якорь и около 80 саженой цепи, намотанной на него.

Это было самое интересное приключение, случившееся с нами во время путешествия в Америку.

Впрочем, нет! Я совершенно забыл ещё об одном, последствия которого грозили нам очень большой опасностью. Оно чуть-чуть не окончилось печальной катастрофой.

Не успели мы отъехать от мёртвого кита миль на пять, как наш корабль получил течь. Образовалась дыра в нижней части правого борта, и вода так быстро прибывала, что все наши насосы не в состоянии были выкачивать её. Через каких-нибудь полчаса мы могли пойти ко дну.

Я первым случайно заметил несчастье. Пробоина постепенно увеличивалась и уже имела в диаметре больше фута. Я несколько раз крикнул товарищам о беде, но никого, как назло, не было видно. Сначала я старался чем-нибудь заткнуть дыру, но всё было напрасно.

Что тут делать? В такую опасную минуту действительно можно потерять голову, но мне всё-таки удалось спасти наш прекрасный корабль и весь экипаж. Не обращая внимания на то, что я мог замочить панталоны, я быстро сел на дыру, широко расставив ноги, и заткнул пробоину задней частью своего тела.

В моём поступке нет ничего удивительного. Вам уже известно, что я происхожу из старинного рода рыцарей как со стороны отца, так и со стороны матери. Весь свет знает о героизме и храбрости моих голландских и вестфальских прародителей.

Я должен сознаться, что моё положение было не безопасным, но можно ли думать об опасности, когда смерть угрожает не только тебе, но и всем твоим товарищам. Скоро мне на помощь подоспел плотник. Его искусство избавило нас от опасности, и я, как благородный рыцарь, приписываю ему роль спасителя нашего корабля.

Приключение с бароном в Средиземном море

Когда мне приходится говорить о своих морских приключениях, я невольно вспоминаю об одном ужасном случае, произошедшем со мной в Средиземном море, в окрестностях города Марселя.

Это было в прекрасный летний день, когда солнышко уже спешило на отдых после тяжёлой дневной работы. Лучи его искрами рассыпались по гребням волн и нежными красками отливали на пушистой, белоснежной пене. Неизмеримая даль моря влекла в свои могучие объятия.

Я стоял на камнях и всматривался в пучину. Волны то что-то шептали, то пели, то как будто негодовали, то расточали нежные ласки, то смеялись, то грозно кричали и с шумом рассыпались в миллионы брызг, ударяясь о скалистый берег.

Мной овладело страстное желание искупаться в этих игривых, непостоянных волнах. Я разделся на берегу, неподалёку от города, бросился в море и отплыл довольно далеко от берега. Вдруг я увидел перед собой огромную рыбу.

Она направлялась прямо на меня, и по широко открытой пасти я понял, что она хочет меня проглотить. Спастись не было времени. Как от неё уйти? Уплыть, вы думаете? Но разве я могу поспорить в этом искусстве с рыбой?! Я не решился убежать.

Я задумал нечто другое: прижал руки к туловищу и вытянул ноги, чтобы в таком положении проскользнуть через пасть и горло рыбы в её желудок, не задев при этом острых зубов чудовища.

Мой план удался, и я очутился в тёмном желудке громадной рыбы. Меня сразу обдало теплом, согревшим моё тело, и я стал думать, как устроиться в новых условиях.

Моё присутствие в желудке, очевидно, беспокоило моего нового хозяина. Рыба начала корчиться, ёжиться, бросаться во все стороны, стараясь от меня избавиться. Моё пребывание стесняло её и, кроме того, причиняло немало боли. Вдобавок я начал ходить, прыгать и даже пустился вприсядку, хотя мне было не до плясок. Мои проказы стали невыносимы для животного, рыба начала стонать, издавать жалобные звуки и выбрасываться на поверхность воды.

Один раз она так высоко подпрыгнула в воздухе, что матросы с

проезжавшего мимо итальянского судна заметили её. Рыба бросалась во все стороны, то опускалась в глубину, то снова выплывала на поверхность, переворачивалась и кашляла, стараясь освободиться от меня.

Очевидно, она хотела, чтобы я оказался во рту, и тогда она могла бы своими острыми зубами превратить меня в мелкие кусочки. Но ей это не удавалось: я продолжал буйствовать в её желудке и старался не выходить наружу.

Судно приблизилось к рыбе, и когда она выплыла на поверхность, матросы захватили её гарпунами и через несколько минут вытащили на борт.

Когда чудовище уже лежало на палубе, я услышал, как матросы советовались между собой, откуда начать резать его желудок, чтобы выбросить внутренности и добыть побольше жира.

Я испугался, что окажусь разрезанным вместе с животным. Я стал в середине живота, в котором могли бы смело поместиться около десяти человек.

Я молил судьбу, чтобы огромные ножи не задели меня. Я никогда не плакал, так как считал это признаком малодушия, но в тот момент слёзы навернулись мне на глаза.

Молитва моя на этот раз была услышана, – и я был спасён. Первый нож врезался в рыбу гораздо ниже того места, где я стоял. Я немного успокоился и готовился как-нибудь сообщить матросам о себе.

В это время меня ослепила маленькая струйка света, мерцавшая через прорезанное мясо чудовища. От радости я так сильно закричал, что матросы, испугавшись, выпустили из рук ножи.

Узнав по их речи, что они итальянцы, я прокричал им по-итальянски, что хочу с ними познакомиться и прошу их помочь мне освободиться.

Услышав крики из брюха рыбы, матросы закричали от испуга. Никто не решался подойти к чудовищу. Чтобы выйти, мне пришлось самому увеличить отверстие. Они удивились ещё больше, когда увидели, что из рыбы вылез человек.

Но через минуту всё выяснилось, и на устах матросов засияли радостные улыбки. Я поблагодарил своих избавителей и рассказал им о своём приключении, а они заливались громким смехом, слушая мой рассказ.

– Вот так приключение! – восторженно прокричал один из матросов. – Будет что рассказать дома, когда мы вернёмся на родину.

Ему в ответ раздался громкий хохот, и кто-то, потрепав меня по плечу, сказал: «Молодец!»

Немного оправившись и выпив холодного кваса, я снова прыгнул в воду и поплыл к берегу. Возле самого берега я хорошенько вымылся и стал поспешно одеваться. Удивительно, что своё платье я нашёл на том же месте, где оставил. Когда я посмотрел на часы, то оказалось, что я пробыл в

желудке рыбы около трёх часов.

Приключение с воздушным шаром

Приятно сидеть в кабинете за письменным столом и предаваться воспоминаниям. В камине трещит уголь, обдавая всю комнату таинственным светом, а сумрак точно спорит с ним, всё больше и больше наполняя комнату. Я уже старею, мои молодые силы меня покидают, прошли дни весёлых увлечений, когда горела в жилах кровь, а сердце дышало отвагой... Теперь бы мне послушать чей-нибудь рассказ о приключениях; но куда там? Разве теперь есть хоть один человек, с кем могло бы случиться что-нибудь подобное тому, что случилось со мной? Нет! Теперь молодёжь сидит в гостиных, в будуарах и несёт пустомелицу, уши вянут от гнилых рассказов... Эх, прошло моё время! Бывало, раньше, стоит мне куда-нибудь показаться, как сейчас же меня обступят хорошенькие барышни и засыпают просьбами:

– Милый барон Мюнхаузен, расскажите, пожалуйста, нам что-нибудь о своих приключениях!

– Пожалуйста, славный барон! – кричит другая и звонким голосом заливает блестящий зал какого-нибудь великолепного графского замка.

А я важно хожу среди них, покручивая длинный ус, и еле заметно посмеиваюсь.

– Хорошенький барон, что-нибудь из морских приключений!

Я как будто стыдливо отказываюсь, говорю, что уже забыл кое-что, а многое не раз уже рассказывал в этом зале.

Но шум и просьбы не смолкают, а лестные для меня выражения порхают из красивых губок прекрасных девиц, как лёгкие бабочки весной по цветам. Ничего не поделаешь, нужно угодить. Я сажусь на стул, а кругом меня кольцом садятся девицы и перекрикивают одна другую.

– Расскажите об охоте!

– Нет, лучше о путешествиях в Россию!

– Мы это уже слышали, расскажите о вашем плене, милый барон, и о ваших занятиях у султана!

И они долго забрасывают меня своими просьбами. Наконец, я откашливаюсь и говорю:

– Эх, мои славные друзья! Всё это я вам уже рассказывал, а вот я познакомлю вас ещё с одним приключением, случившимся со мной во время путешествия по Мраморному морю.

– А это будет интересное приключение? – спрашивает одна из них.

– О, да, очень даже интересное! – с улыбкой отвечаю я и начинаю рассказывать.

Это было во время моего пребывания в Турции, когда мне посчастливилось завоевать внимание султана и всего его двора. Я очень часто выезжал по делам службы на своей яхте в Мраморное море. Какие там прекрасные виды! Просто прелесть! Чего стоит один вид на Константинополь! Но вид на дворец султана ещё замечательнее!

Однажды утром, когда я любовался красотой и ясностью голубого неба, я заметил в воздухе, среди серебристых облаков, какой-то круглый предмет. Когда я стал всматриваться, то увидел, что с него что-то спускается.

Я сейчас же побежал в каюту за самым лучшим своим ружьём, без которого я никогда не выезжал в далёкую дорогу, зарядил его на скорую руку пулей и, хорошенько прицелившись, выстрелил. Но в этот предмет я не попал.

Это случается со мной очень редко, потому что я стрелок ловкий, даже редкий, может быть, самый лучший во всей стране. Вам ведь это известно. Я быстро заложил другой заряд, но и этот выстрел оказался неудачным. Наконец, с третьей попытки я пронзил пулей предмет, и он стал быстро падать в море. Я приказал направить судно так, чтобы предмет упал если не на палубу, то, по крайней мере, недалеко от судна, чтобы можно было рассмотреть, что он из себя представляет.

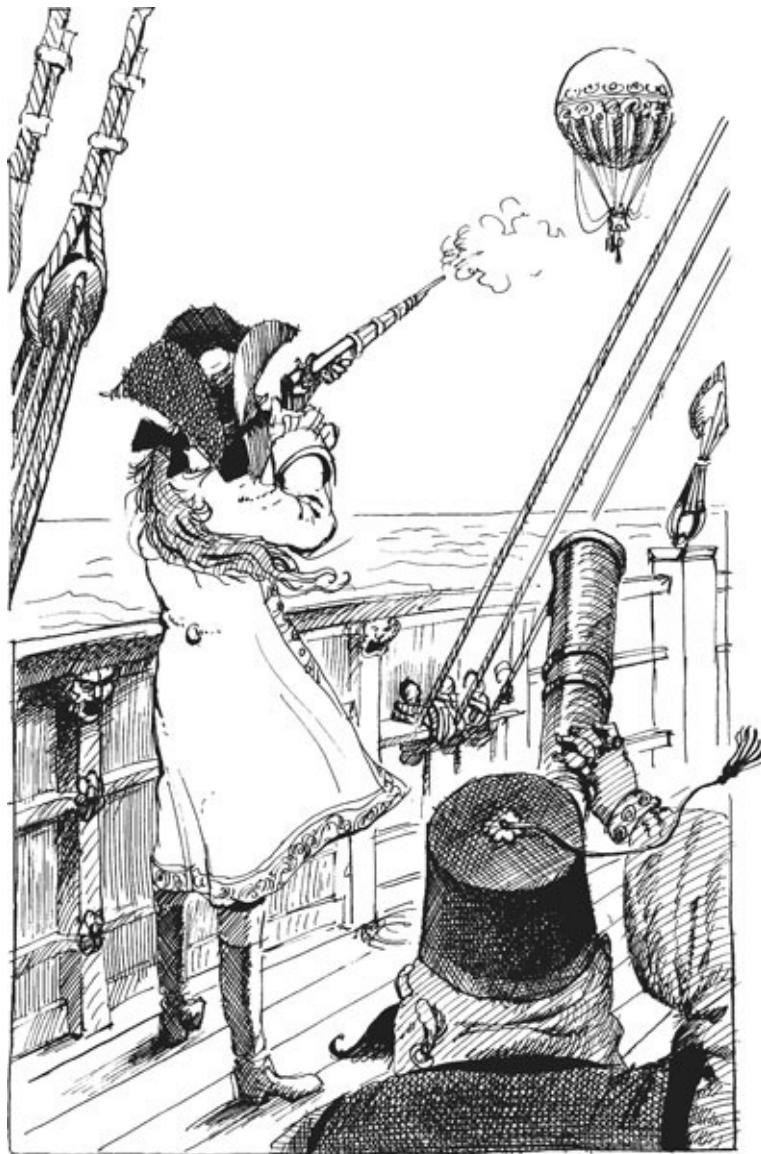

Через несколько минут после выстрела на небольшом расстоянии от моего корабля я увидел небольшую, позолоченную корзину, висевшую на огромном аэростате, гораздо больше церковного купола. Мной овладело сильное волнение: я боялся, что нанёс вред воздушному путешественнику.

Оправившись от изумления, я стал присматриваться и заметил, что в корзине находится человек и половина жареного барана. Мои люди обступили корзину и о чём-то разговаривали между собой. Как я потом узнал, они хотели убить хозяина корзины, как это делают со шпионами, и речь шла о жизни этого несчастного путешественника.

Я, конечно, расстроил их планы. Я смело подошёл к корзине и заговорил с путешественником по-турецки, так как это происходило в турецких владениях. Но он ответил мне по-французски.

Тогда я задал ему несколько вопросов на его родном языке. Путешественник оказался французом. Выглядел он очень важно. Его нарядный костюм привлекал общее внимание, а из кармана его жилета висела толстая золотая цепь, украшенная разноцветными дорогими камнями. На конце цепи было прикреплено очень много красивых брелоков и медальонов с изображениями знатных людей. Из каждой петли его фрака свешивалась золотая медаль с различными изображениями. Каждая медаль стоила по крайней мере несколько сотен червонцев.

Все пальцы его рук были унизаны красивыми драгоценными перстнями. На среднем пальце правой руки сверкал бриллиант огромной величины. Рубины, сапфиры, аметисты, хризобериллы блестели и

переливались тысячами различных цветов, освещая всех находившихся вокруг него.

Когда он вынул из одного жилетного кармана свои часы, то двое наших слуг ослепли от сильных лучей, испускаемых драгоценными камнями, из которых были целиком сделаны эти часы.

Карманы его брюк и сюртука оттопыривались и обвисали до самой земли от тяжести кошельков, наполненных червонцами. Я спросил, зачем он носит с собой так много золота: его всегда можно заменить более лёгкими деньгами – кредитными бумажками.

– Бумажка для меня не имеет ценности, я люблю только золото и драгоценные камни! – сказал француз в ответ.

– А что это за изображения и гербы на медалях и других предметах? – спросил один из матросов нашего корабля.

– Эти вещи поднесены мне в подарок знаменитыми особами Франции. Вот, например, эта медаль поднесена мне баронессой Крюгер, а эта – графом Тралялинским, а эта – за мои благодеяния в пользу бедных!

Он перечислял ещё имена и объяснял значение каждого изображения, но я уже забыл его подлинные слова, а придумывать не хочу, чтобы не вызвать недоверия к моим рассказам.

«Боже мой! – подумал я про себя. – Этот невзрачный господин, должно быть, оказал человечеству необыкновенные услуги, если при господствующей в настоящее время скупости он осыпан такими многочисленными и драгоценнейшими подарками!»

Француз так устал от беседы с нами, что попросил не беспокоить его, пока не пройдёт его волнение. Это было вполне понятно. Ведь скорость падения воздушного шара была так велика, что у него захватило дыхание, и он некоторое время не мог произнести ни одного слова. Кроме того, он думал, что без следа пропадёт в морских волнах, так как берегов не было

видно.

Через некоторое время он оправился и рассказал нам следующее:

– Я канатный плясун и эквилибрист. У меня не было ни знаний, ни фантазии, ни умения, чтобы выдумывать такого рода путешествия. Я сознаюсь в этом и не расхваливаю себя, но меня сильно раздражали заносчивость и спесь семи обыкновенных клоунов и танцовщиков по канату. И вот, чтобы сбавить их спесь, я решил подняться выше их. Теперь я, конечно, считаю себя родоначальником будущей авиации.

Дней шесть или семь тому назад я поднялся на своем шаре в Англии, с мыса Принца Веллийского, взяв с собой барана, чтобы потом сбросить его для потехи любопытных зрителей.

Через несколько минут я был уже довольно высоко, и люди, которых я оставил на земле, казались очень ничтожными пылинками. Меня несло всё выше и выше. К моему несчастью, минут через десять после того, как я поднялся, ветер переменял своё направление и вместо того, чтобы отнести меня к Экзетеру, где я хотел спуститься, он понёс меня к морю.

Мне стало так страшно, что я потерял сознание. Когда я очнулся, то увидел, что ветер гонит меня над морем. Густые облака мешали мне рассмотреть оставленную внизу землю.

Какое счастье, что я не выбросил барана для потехи публики. На третий день сильный голод принудил меня убить его.

Как это ни противно и совершенно чуждо для меня, но я вынужден был совершить такое преступление, потому что был поставлен в критическое положение. В это время мой шар уже успел подняться выше Луны. Я вспомнил одну интересную сказку, будто Луна сделана из чистого серебра. Её приятный свет ласкал меня, и я с большим наслаждением всматривался в её лицо, но не успел хорошенько насмотреться, так как почувствовал, что меня что-то сильно греет. Шар настолько приблизился к Солнцу, что оно беспощадно жгло мою спину и совершенно сожгло мои усы, ресницы и бороду.

Кстати, я воспользовался солнечным теплом, положил убитого барана с той стороны, где солнце особенно сильно грело, – через каких-нибудь три четверти часа баран зажарился. Не знаю, чем объяснить, но мясо барана оказалось очень вкусным. Должно быть, это оттого, что оно изжарилось с помощью солнечных лучей. Этим мясом я питался всё время своего воздушного путешествия.

Кто знает, до каких пор мне пришлось бы ещё летать. Я, чего доброго, посетил бы все небесные планеты. Залетел бы в гости к прекрасной Венере, пожелал бы всего хорошего жителям Марса и ещё многое увидел

бы.

– А зачем вы так долго летали, господин? – спросил француза один из матросов нашего судна.

– Эх, дорогой мой, я давно хотел спуститься на землю, но верёвка, соединённая с клапаном, предназначенным для выпуска газа, оборвалась. Я не мог выпустить ни одной струйки газа. А без этого никак нельзя спуститься. Если бы ваш выстрел, уважаемый барон, не пробил бы мой шар, я мог бы носиться на нём между небом и землёй, как Магомет, до самого дня Страшного суда.

Окончив свой рассказ, он крепко пожал мою руку и горячо поблагодарил меня за своё спасение. Свою золотую корзину француз подарил моему лоцману, а остаток барана выбросил в море.

Шар сильно пострадал от моей пули, а при падении он так разорвался, что починить его не было никакой возможности, и потому его тоже бросили в воду.

За короткое время француз подружился с матросами и подарил нам на память свои золотые вещи, которых у него было очень много. Мы отвезли путешественника в Константинополь, и там я представил его султану, который наградил его и отправил на родину, в цветущую Францию.

Вторая поездка барона в Константинополь

Хочется, друзья мои, рассказать вам ещё об одной странной истории. Волею судеб я был заброшен в Африку, где меня приняли с большими почестями. Меня назначили важным сановником в Трансваальской республике. Я успешно выполнял все важные и сложные государственные поручения и заслужил большое доверие у народа и правительства.

Однажды нужно было поручить кому-нибудь съездить в Константинополь для личных переговоров с султаном по очень серьёзным и важным делам.

Долго обдумывали, кого бы послать с этими поручениями к султану. От переговоров зависел весь дальнейший ход дела.

После долгих размышлений выбор пал на меня. Я был выбран почти единогласно благодаря тому, что хорошо знал турецкий язык и был знаком с Константинополем и всеми обычаями турок.

С большой торжественностью и многочисленной свитой отправили меня в Константинополь с важным поручением. Признаться, я ехал с затаённой радостью в груди и невольно улыбался про себя, когда сравнивал своё настоящее положение уполномоченного посла с прежней должностью султанского пчеловода.

Турки приняли нас с большими почестями. Нас поместили в прекрасной вилле, принадлежащей самому султану, и мне немедленно назначили аудиенцию. Русский, немецкий, итальянский и французский послы явились ко мне с визитом и засвидетельствовали своё глубокое уважение, кроме того, они взяли на себя миссию представить меня султану. В назначенный час мы отправились к султану. Нас сейчас же приняли. Каково же было удивление сопровождавших меня послов, когда султан, пристально взглянув на меня, даже не договорил переводчику приветствия и, улыбаясь, дружески протянул мне руку со словами:

– Здравствуй, Мюнхаузен! Да ведь мы с тобой давние знакомые! Для таких старых друзей не нужно переводчика. Семь тысяч приветствий, дружище мой! Как поживаешь? Душевно рад тебя видеть!..

По просьбе султана я подробно рассказал ему о своём путешествии в Россию из турецкого плена и ещё о многих своих приключениях. Это обстоятельство сразу подняло меня во мнении всех дипломатов, тем более что я держался очень свободно и совсем не стеснялся.

По окончании всех официальных переговоров мне пришлось ещё некоторое время оставаться в Константинополе. Я часто встречался и беседовал с султаном. Султан был со мной откровенен. Однажды он сообщил мне, что дела его в Египте идут очень плохо и у него нет такого человека, которому можно было бы поручить их распутать. Я с глубоким сочувствием посмотрел на султана. Он улыбнулся и тихо сказал:

– Что ты так посматриваешь, Мюнхазен, будто хочешь сказать мне что-нибудь или посоветовать? Я ведь знаю, что ты хороший дипломат, только жаль, что не у меня служишь.

Я с улыбкой посмотрел на султана. Признаться, мне было приятно выслушать такое лестное мнение о себе.

– Ваше Величество изволит тешиться над своим бывшим

пчеловодом, – тихо сказал я султану.

– О, нет, мой милый Мюнхаузен, я не шучу, а говорю тебе серьезно, что рад выслушать твои советы. Я даже готов сообщить тебе то, что никому из иностранцев не решился бы сказать, и не всякий мой сановник пользуется у меня таким доверием, как ты, Мюнхаузен!

Я низко поклонился султану в знак своей глубокой благодарности и от радости не мог проговорить ни звука, а султан подошёл ко мне и потрепал меня по плечу со словами:

– Дружище, мы ведь понимаем друг друга! Я хочу сообщить тебе важную государственную тайну и надеюсь, что она останется между нами. А чтобы нас никто не подслушал, я предлагаю взобраться на мою самую высокую башню; там нет никого, и мы можем посоветоваться.

На башню вела винтообразная лестница, в которой было около пятисот ступенек. Я быстро взобрался на неё и стал любоваться чудными видами Константинополя и Босфора, тогда как толстый султан ещё не дополз и до середины. Раскрасневшись, он так громко дышал, что стены башни трещали. Да, господа, это была очень высокая башня! Жаль только, что спустя несколько дней на неё упал с неба метеор и она сгорела до основания.

Вы хотите спросить: «А как же тайна?»

– Тайна, господа, сгорела вместе с башней. Так, видно, хотел Магомет из боязни, чтобы стены башни кому-нибудь не выдали её: вы знаете, что теперь и стены слушают и рассказывают. А я, как честный человек, обязан также смолчать, тем более что государственную тайну нельзя рассказывать даже друзьям и самым близким людям. Тайна имела некоторое отношение к общеевропейской войне...

Боже мой! Я немного уже проговорился, но довольно! Достаточно вам сообщить, что это касалось отчасти и Трансваальской республики, а потому я согласился помочь султану и добросовестно выполнил его поручение.

Переговоры о делах сблизили меня с султаном. Мы часто уединялись на берегу моря и долго беседовали, любуясь чудным морским видом. Беседы по поводу поручения, которое давал мне султан, чередовались с моими рассказами о различных приключениях. Султану мои рассказы очень нравились. Он очень хвалил меня и не уставал слушать. Между прочим, я рассказал ему о том, как я летел на бомбе. Султан неудержимо смеялся во время моего рассказа об этом происшествии.

– Вот бы мне хотелось посмотреть, как это ты летел на бомбе! Ну, молодец, Мюнхаузен, молодец! Ведь правда, трудное было путешествие?!

– Да, Ваше Величество, очень трудно было удержать равновесие на

круглой, гладкой бомбе! Но что делать? Во всём нужна удача и решительность, особенно для молодого военного человека, только начинающего свою карьеру.

Султан со смехом вспомнил, как я во время своего плена завлёк на оглоблю медведя, и мы ещё долго с удовольствием говорили о далёком прошлом. Закончив свои дела в Константинополе, я отправился в Каир в качестве турецкого посланника. Сам султан со всей своей свитой приехал провожать меня. Он ещё раз напомнил мне о важности моей миссии и трогательно простился со мной.

Внимание султана так тронуло меня, что я не мог найти ответа, а только скрестил на груди руки и низко ему поклонился. Наш корабль отчалил под звуки военной музыки. Султан ещё долго стоял на берегу и провожал нас глазами, пока корабль не скрылся из вида.

Во время переправы на берег Азии с нами не произошло ничего особенного, да и путь был недалёкий. На противоположном берегу нас уже ждал караван верблюдов, и мы без передышки пустились в путь по азиатским пустыням.

Каждый представляет себе Азию страной дикой и страшной, но как бы вы были довольны, если бы вам удалось хоть немного познакомиться с этой страной. Я много ездил по Европе, был в Америке, служил в Африке и много видел на своём веку, но таких чудес, как в Азии, мне ещё не приходилось встречать. Какие там удивительные люди! Какая чудная природа!

У меня была многочисленная свита, как это подобает посланнику, но я не мог отказать себе в удовольствии пополнить её ещё несколькими

встретившимися там субъектами. Они настолько интересны, что мне хочется кое-что рассказать о них.

Не успел наш караван удалиться на несколько миль в глубь страны, как я заметил человека среднего роста, страшно худого, на вид совсем невзрачного. Он так быстро бежал по пустыне, что поднимал целое облако пыли. К каждой его ноге было привязано по свинцовой гире, весом по крайней мере в три пуда каждая. Я был сильно изумлён и окликнул его:

– Друг мой, куда ты так спешишь и зачем ты привязал к ногам гири? Ведь так гораздо тяжелее бежать?

– Я происхожу из маленького племени скороходов. В нашем роду никто никогда не плакал, ни одной слезинки не проронил. Кроме того, мы не чувствуем боли и смотрим на мир Божий как на рай, данный нам для наслаждения. Гири я повесил для того, чтобы бежать медленнее, потому что сейчас мне некуда торопиться. Всего час назад я вышел из Алжира, но я не жалею о нём.

– Что ты там делал? – спросил я скорохода.

– В Алжире я служил у одного знатного сановника почтальоном и разносил его письма во все концы света. Мой сановник ночью пришёл с бала, и, видно, вчерашний день ему очень понравился, потому что сегодня утром он приказал мне догнать его. Сколько я ни бежал, сколько ни трудился, но догнать вчерашний день не смог. Господин мой так рассердился, что немедленно отказал мне в должности и велел в два часа покинуть его владения. Я вышел, подумал немного, взял с собой птицу и отправился в путь. Минут через десять я оставил его проклятые владения далеко за собой и присел, чтобы привязать гири, так как мне некуда было торопиться. Теперь хочу направиться в Китай. Говорят, что это очень интересное государство. Может быть, в Пекине я найду себе подходящее место. Через каких-нибудь полчаса я буду там, для меня это только маленькая прогулка.

Мне этот человек очень понравился. Он мог бы мне помогать, так как посланнику часто приходится посылать гонцов с пакетами в разные части света. Я посмотрел на скорохода и сказал:

– До Пекина всё-таки далеко, не останешься ли ты у меня? Поступай лучше ко мне на службу, я буду тебе очень рад!

Скороход принял моё предложение. Я приказал дать ему верблюда, но он отказался, чтобы не разучиться быстро бегать.

Спустя некоторое время мы добрались до широкой долины. Голодные верблюды стали щипать зелёную траву, которая красивым бархатистым ковром покрывала землю. Стало легче дышать, а трава будто кланялась нам, тихо перешёптываясь с ветерком. Кто-то предложил сделать здесь привал, чтобы отдохнуть и подкрепиться. В это время я заметил недалеко

от дороги неподвижно лежавшего человека. Мои спутники подумали, что он убит или спит. Когда же мы приблизились к нему, то увидели, что он весело подмигивает и так близко припал ухом к земле, точно хотел подслушать разговор подземных обитателей.

– Что ты там слушаешь, приятель? – крикнул я ему.

– От нечего делать прислушиваюсь, как трава растёт.

– Ты шутишь! Разве можно это услышать?

– Нет ничего легче, – ответил незнакомец. – Я могу услышать ещё и не то...

– Ну так поступай ко мне на службу, друг мой! Имея такой слух, ты можешь быть мне полезным.

Он быстро поднялся на ноги и охотно присоединился к нашему каравану.

Мы поехали дальше. Не успели мы отъехать несколько миль, как навстречу нам попался охотник. Он во что-то целился. Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел.

– Что это ты, милый, стреляешь в воздух? – спросил я его. – Куда ты целишься, я ничего не вижу, кроме синего неба?!

– Это я пробую новое ружьё! – ответил он. – На кресте страсбургской колокольни сидел воробей, и я его только что застрелил.

Вам уже известно, что я страстный охотник и замечательный стрелок, – как же мне было не обнять и не расцеловать такого молодца! Само собой разумеется, что мы ударили по рукам и он поехал с нами. Таких стрелков мало, это была просто находка! Стрелять из азиатской пустыни в воробья, сидевшего на кресте страсбургской колокольни! Видано ли это? Да, удивительная страна Азия! Чтобы ещё лучше познакомить вас с ней, я хочу рассказать вам следующее.

Мы продолжали путешествие.

Наш караван прошёл уже через пустыню, и мы приближались к Ливанским горам. Густой кедровый лес широко обогнул вершины этих гор и далеко растянулся в глубь страны. После продолжительного путешествия по пустыне мы как-то легче вздохнули при виде леса и поспешили в его приятную тень, чтобы немного отдохнуть. А лес величаво качал своими ветвями, как будто простирали к нам свои мощные руки.

У самого подножия хребта Ливанских гор мы увидели высокого, плечистого, коренастого человека. Он перевязал верёвками несколько сотен больших кедровых деревьев и, обмотав концы верёвок вокруг своих могучих плеч, хотел уже тянуть, но я остановил его.

— Что это ты делаешь в таком густом лесу? Ведь здесь много хищных зверей!

— Я не боюсь зверей, одним ногтем я убиваю самого сильного льва. Только со мной случилось маленькое несчастье: мне нужно было нарубить дров, и с этой целью я пришёл в лес, но, к сожалению, забыл дома топор. Возвращаться домой далеко, и вот я решил выручить себя из беды. Отойдите, пожалуйста, от деревьев, чтобы они не зацепили вас.

В эту минуту силач на моих глазах потянул верёвку и выдернул с

корнем все деревья, как будто это был маленький кустик. Он привёл меня в изумление, так как лес занимал громадную площадь, а он взял все деревья на плечи и понёс их, как соломинку. Я, конечно, не выпустил из рук такой находки. Скорее я отказался бы от всяких почестей, от своего звания и крупного содержания, чем отпустил бы такого молодца.

К моей свите прибавился ещё один интересный человек. Все вместе мы продолжали свой путь. Как только мы перешли египетскую границу, поднялась такая сильная буря, что я боялся, чтобы нас не подняло на воздух. Вихрем срывало одежду, и ветер так свирепствовал, что трудно было двигаться. Такого ветра я никогда не видел. Казалось, буря вот-вот унесёт нас в поднебесье вместе со всей поклажей, людьми и верблюдами.

Я посмотрел в ту сторону, откуда поднялся этот сильный вихрь. Я увидел семь мельниц, крылья которых так быстро вертелись вокруг своих осей, что трудно было рассмотреть форму каждого крыла в отдельности, а их свист и жужжание напоминали мне жужжание веретена во время длинных зимних вечеров в деревне.

Недалеко от мельниц, с правой стороны дороги, стоял толстый, хорошо сложенный человек и большим пальцем закрывал свою левую ноздрию. Когда он увидел нас и заметил наше смущение и даже отчаяние, он повернулся к нам лицом и отнял палец от ноздри. Когда же мы подошли к нему поближе, он вежливо поклонился нам.

В ту же минуту вихрь стих, как будто его и не бывало. Все семь мельниц остановились как по волшебству. Сильно удивлённый этим непонятным для меня явлением, я громко крикнул:

– Что это ты, любезный, колдуешь, что ли? Что это всё значит? В тебе, должно быть, нечистая сила сидит или, чего доброго, ты сам чёрт?

– Никак нет, ваше превосходительство, – отвечал незнакомец. – Я не чёрт, а просто работник. Я только дую в нос и произвожу небольшой ветер для своего хозяина-мельника, а чтобы не слишком сильно вертеть мельничные крылья и не опрокинуть мельницы, я всегда закрываю одну ноздрию.

– Вот как! А сколько ты получаешь за свою работу?

Он назвал мне совсем ничтожную сумму. Я мог дать ему в десять раз больше, лишь бы он остался у меня.

«Да, – подумал я, – это неоценимый человек, который может оказать при случае большую услугу. Он может поднять бурю на море или снести с лица земли любого врага, даже стотысячную армию. Если же случится, что у меня захватит дух, когда я буду рассказывать о каком-нибудь страшном приключении, он может вывести меня из тяжёлого положения, немножко подув в одну ноздрю».

Недолго думая, я уладил дело так, что мы оба остались очень довольны. Он охотно последовал за нашим караваном.

Через некоторое время мы приехали в Каир. Я приступил к исполнению возложенных на меня поручений и очень скоро закончил все дела.

Успех мой превзошёл всякие ожидания. Султан был очень доволен,

когда узнал о благоприятном исходе переговоров.

Когда моя миссия была окончена, я хотел отправиться домой без всяких почестей и торжеств. Для того чтобы меня никто не стеснялся, я отпустил всю свою свиту на родину, поручив ей подробно доложить султану о ходе дел. При себе я оставил только пятерых новых слуг, о которых вкратце вам уже рассказывал.

С этими замечательными людьми я отправился в дорогу. Необходимо заметить, что Нил в хорошую погоду бывает так великолепен, что красоту его трудно передать словами. Однажды мне захотелось проехать по нему на лодке.

Скоро всё было готово, и мы, наняв лодочников, отправились в Александрию. До сих пор не могу себе объяснить, почему всё, что хорошо начинается, очень часто плохо кончается. Так вышло и у нас.

Мы запаслись провизией и три дня плыли в лодке без всяких приключений. Дивные виды открывались перед нами: вырастали и исчезали живописные города, древние памятники искусства, пирамиды и бесчисленное множество развалин древних сооружений.

Всем известны капризы старого Нила. Он часто выступает из берегов и широко разливает свои воды. На третий день нашего путешествия, под вечер, мы заметили какой-то особенно золотисто-красноватый оттенок воды в реке.

На следующий день вода стала быстро прибывать, и пенистые волны мутного Нила заклокотали, зашумели и начали разливаться по широкому полю. Нил за короткое время разлился на несколько миль.

К вечеру того же дня волны подняли нас так высоко, что мы плыли куда глаза глядят. Перед нами и вокруг нас неистово ревела река, обдавая нашу лодку пенистой водой. До самого горизонта виднелось только мутно-красноватое облако воды.

Дней через пять, когда уже зашло солнце и на землю спускались тихие сумерки, нашу лодку занесло в густые заросли, и она остановилась.

Я сначала думал, что мы сели на риф, но когда утром поднялось солнце и осветило волнующуюся воду, мы увидели, что наша лодка находится между ветками миндального дерева.

Вокруг нас на далёкое расстояние были видны густо сплетённые ветки, усеянные спелыми плодами.

Оказалось, что мы находимся на высоте шестидесяти футов над поверхностью земли, но лодка не могла сдвинуться с места.

Часов около девяти поднялся сильный вихрь, нашу лодку бросило в сторону и накрыло так, что она одним бортом зачерпнула воду и

моментально пошла ко дну вместе с провизией. Мы напрасно старались спасти её. Оставалось только думать о сохранении своей жизни.

В эту критическую минуту великую услугу оказали нам ветви миндальных деревьев. Нас было восемь человек взрослых и двое детей. Мы ухватились за ветки и долго держались на поверхности воды.

Быстро проходили дни за днями, чередуясь с тёмными ночами, а мы всё держались за ветки и утоляли голод миндальными плодами.

Так прошло около пяти недель. Наконец, вода начала быстро убывать, а через неделю мы сошли с деревьев на землю. Почва была покрыта толстым слоем ила, и нам пришлось потратить много усилий, чтобы добраться до нашей затонувшей лодки. Она лежала, затянута илом, саженьх в сорока пяти от миндальных деревьев.

Вы можете себе представить, с какой жадностью мы набросились на провизию, находившуюся в лодке! Она, конечно, была уже не свежей, но после испытанного голода казалась нам самым изысканным блюдом.

Отдохнув немного и высушив вещи, найденные в лодке, мы продолжили путешествие. Только через одиннадцать дней мы добрались до берегов Нила.

Нас встретили местные власти, которым мы рассказали о нашем приключении. Все удивлялись и горячо сочувствовали нашему горю.

По нашей просьбе нам дали отличную лодку, а также доставили всё необходимое для дальнейшего путешествия. Мы снова поплыли по красивому руслу Нила и скоро добрались до Александрии, откуда переправились в Константинополь.

Я пытался убедить моих товарищей принять вознаграждение за утраченную лодку и за понесённые труды и лишения. Но все они в один голос отвечали:

— Да что вы, господин барон, мы и так счастливы, что удостоились чести путешествовать с вами. Ведь не всякому в жизни удастся увидеть человека, пользующегося такой славой, как вы, господин Мюнхаузен!

Сразу по прибытии в столицу я доложил о себе султану. Он очень обрадовался моему приезду и оказал мне радушный приём. Он показал мне свои дворцы и старый сад, где когда-то я был пчеловодом. Мы долго беседовали с ним и вспоминали прошлое. При прощании султан преподнёс мне драгоценные подарки.

Пари с султаном и бегство из Константинополя

С каждым днём султан всё сильнее привыкал ко мне. Не проходило ни одного дня, чтобы он не приглашал меня к обеду и к ужину. Должен вам сказать, дорогие друзья, что ни у одного правителя в мире нет такого роскошного стола, как у турецкого султана. Но, к сожалению, к столу не подавалось вино, так как вам, вероятно, известно, что Магомет запрещает правоверным употреблять спиртные напитки. Приходилось обходиться за столом без стакана хорошего вина.

Однако чего нельзя делать открыто, то делается тайно, и вы не найдёте ни одного турка, который не был бы знаком со вкусом хорошего вина, несмотря на запрещение Пророка. Его величество турецкий султан также знал толк в стакане хорошего вина не хуже любого немецкого рыцаря. Во время обеда или ужина никто из присутствовавших ни словом не заикался о вине, но после обеда всякий уединялся в своём кабинете и, покуривая трубку, набитую душистым табаком, выпивал бутылку великолепного напитка.

Однажды, после обеда, султан попросил меня последовать за ним в его кабинет. Когда мы уселись на мягком ковровом диване и закурили свои трубки, султан сказал: «Вероятно, вы, дорогой Мюнхаузен, знаете толк в винах. Я угощу вас сейчас таким токайским, какого вы, наверное, ещё никогда в жизни не пробовали».

Султан поднялся с дивана, подошёл к шкафу, взял оттуда бутылку вина, наполнил два бокала, и медленно, маленькими глотками, мы стали пить.

– Ну, что вы скажете, дорогой Мюнхаузен? Не правда ли, лучшего вина вы никогда не пробовали?

– Вино недурное, – отвечал я, – но я должен сказать вам, ваше величество, что в Вене, у императора Карла VI, мне приходилось пить несравненно лучшее токайское.

Султан нахмурился и произнёс:

– Я вынужден усомниться в ваших словах, дорогой Мюнхаузен, – лучшего токайского вы нигде не найдёте. Мне прислал его один венгерский магнат и уверял, что это самое хорошее токайское.

– Магнат шутил с вами, Ваше Величество. Могу через час доставить вам бутылку токайского из погребов австрийского императора в Вене. У него и вид другой.

– Я думаю, дорогой Мюнхаузен, что вы хвастаете!

– И не думаю хвастать, Ваше Величество! Повторяю, что через час могу вам доставить бутылку токайского вина из погреба австрийского императора, и вы сами убедитесь в том, что оно несравненно лучше, чем эта кислятина.

Султан укоризненно покачал головой, упрекнул меня в том, что я смеюсь над ним, и повторил ещё раз, что он сомневается в правдивости моих слов.

Я просил его величество принять пари и предложил ему распорядиться снять с моих плеч голову, если я не исполню обещания.

Султан принял мою ставку и сказал, что непременно прикажет снять мою голову, если я не исполню своего обещания, так как не может позволить смеяться над собой даже самым лучшим своим друзьям.

Если же я сдержу своё обещание, султан обещал дать мне из своих сокровищ столько золота, драгоценных камней и жемчуга, сколько может поднять самый сильный человек.

Мне подали бумагу, перо и чернила, и я написал императрице Марии Терезии следующее письмо:

«Ваше Величество, вместе с императорским престолом вы унаследовали и винный погреб Ваших августейших родителей. Осмеливаюсь просить Вас вручить подателю этого письма бутылку токайского, которое мне так часто приходилось пить с Вашим покойным отцом! Имею смелость обратиться к Вашему Величеству с такой просьбой потому, что держал пари с турецким султаном и при этом утверждал, что Ваше токайское превосходит вкусом его вино.

Пользуюсь случаем принести Вашему Величеству уверение в глубочайшем почтении, с которым имею честь быть и т. д., и т. д.

Барон Мюнхаузен».

Я немедленно позвал своего курьера, передал ему письмо и просил его поспешить. Курьер снял с ног гири и отправился в дорогу. Мы же с султаном уселись допивать вино, оставшееся в бутылке, и ждали возвращения моего курьера.

Прошла четверть часа, полчаса, три четверти часа, а курьера всё не было. Я начал уже волноваться, а султан поглядывал на проволоку звонка,

собираясь, по-видимому, позвать палача.

Не желая показать султану своего волнения, я вышел в сад. Султан приказал двум слугам следовать за мной и не спускать с меня глаз.

Стрелки часов показывали уже пятьдесят пять минут четвёртого. Меня охватил смертельный страх. В эту минуту я вспомнил о своём подслушивальщике и о стрелке, о которых я уже имел честь рассказывать вам.

Они явились ко мне. Подслушивальщик приложил ухо к земле и, к моему величайшему отчаянию, сообщил, что мой курьер крепко спит где-то около Белграда. Стрелок взобрался на высокую террасу, поднялся на носки и крикнул оттуда, что видит курьера спящим под тенистым дубом на полпути от Вены до Константинополя.

Стрелок прицелился и выстрелил, жёлуди, ветки и листья градом посыпались с дуба на спящего курьера. Ни жив ни мёртв вскочил он на ноги и быстрее молнии помчался к Константинополю.

Ровно в пятьдесят девять с половиной минут четвёртого он стоял перед кабинетом султана с бутылкой и собственноручным письмом императрицы Марии Терезии. Мой страх прошёл.

Султан налил бокал доставленного вина и с наслаждением выпил его. Вино так понравилось ему, что он закупорил бутылку и спрятал её в шкаф, извиняясь передо мной и говоря, что мне легко будет достать для себя другую бутылку, тогда как ему это недоступно. Затем султан приказал позвать к себе своего казначея и, когда он явился, распорядился выдать мне из своих сокровищ столько золота, драгоценных камней и жемчуга, сколько может поднять и унести самый сильный человек.

Казначей низко поклонился повелителю и направился к дверям. Я поспешил за ним, боясь, что султан отменит своё распоряжение. Сейчас же послал я за своим силачом. Тот пришёл с длинной толстой верёвкой, и мы отправились с ним в подвалы, наполненные сокровищами.

Казначей султана поражался, наблюдая за тем, как мой силач, тяжело

нагруженный, выходил из помещений, где хранились сокровища. Мы сейчас же отправились к пристани, где я нанял корабль, чтобы отвезти сокровища в безопасное место. Казначей же побежал к султану и рассказал ему, что я унёс все его богатства.

Только тогда его величество понял, какую он допустил ошибку, согласившись заключить пари.

Главный адмирал султана получил приказание немедленно отправиться за мной в погоню, отнять сокровища, а меня самого утопить в море.

Не успел я отъехать от берега несколько миль, как увидел плывущий прямо на меня военный турецкий флот. Я сильно испугался, так как понимал, что моя жизнь в большой опасности.

Вдруг я вспомнил, что со мной был мой раздувальщик. Он успокоил меня, встал на корму нашего корабля, одну ноздрю направил к турецкому флоту, другую – к нашему кораблю и сильно подул.

Море заволновалось, мачты турецких кораблей затрещали, паруса оборвались, и турецкий флот отлетел от нас в гавань. А мы за несколько часов прибыли в Италию.

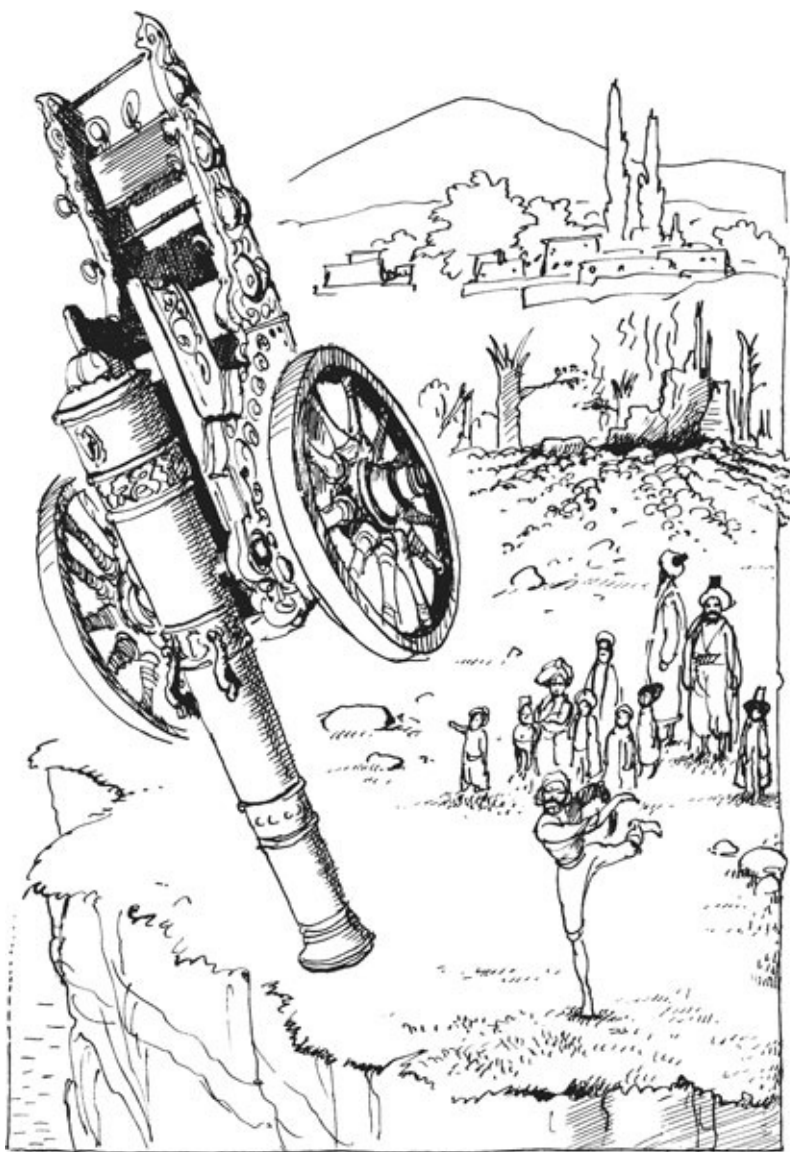
Но мне не пришлось воспользоваться своими богатствами.

В Италии царит ужасная бедность и нищета. Следуя порывам своего доброго сердца, я большую часть привезённых сокровищ раздал нищим.

Кроме того, в этой стране развелось много разбойников, которые среди бела дня нападают на прохожих и проезжих и грабят их. Я тоже подвергся печальной участи. Все оставшиеся у меня драгоценности были отняты разбойниками, и мне едва удалось спасти свою жизнь.

Приключение с пушкой

Султан недолго сердился на меня. Доходы его величества были так велики, что за короткое время он собрал новые сокровища. Ко мне же он привык и скучал без моего общества. Он узнал о месте моего пребывания и послал за мной. Я также привязался к султану, очень обрадовался его приглашению и немедленно отправился в Константинополь, чтобы отпраздновать вместе с его величеством наше примирение.

Но, к сожалению, и на этот раз мир между нами длился недолго.

В Константинополе, в крепости, стояла огромная пушка. Она была отлита из бронзы и стреляла мраморными ядрами колоссальных размеров.

Однажды мы с одним французом осматривали эту пушку. Французу сильно хотелось выстрелить из этого орудия. Он попросил разрешения у султана, и султан согласился.

Узнав о намерении француз, вся турецкая армия пришла в сильное волнение: все были уверены, что сотрясение, произведённое выстрелом из пушки, разрушит весь город.

Для того чтобы произвести выстрел, понадобилось более трёхсот фунтов пороха. Вложенное в пушку ядро весило около тысячи фунтов. Никто не хотел присутствовать при этом событии.

Всё обошлось, однако, благополучно. Город не пострадал, хотя выстрел и вызвал небольшое землетрясение. Ядро перелетело через пролив и разорвалось, а его осколки упали в море и взволновали морскую поверхность. Вода закипела и покрылась пеной.

Все присутствовавшие окружили француз и поздравляли его с удачным выстрелом.

Я не мог допустить, чтобы слава француз превзошла мою, потому я схватил пушку, взвалил её на плечи и прыгнул в море, чтобы с ней переплыть пролив. Благополучно добравшись до другого берега, я вздумал перебросить пушку через пролив обратно на прежнее место, но это мне не удалось: пушка долетела до середины пролива, а там упала в воду и утонула.

Потеря знаменитой пушки вызвала сильный гнев султана. Он отдал приказ отрубить мне голову. К счастью, жена султана сильно благоволила ко мне. Она поспешила сообщить мне о приказе султана и спрятала меня в своей комнате. Мы вместе стали быстро готовиться к побегу. Корабль, шедший в Венецию, принял нас на свой борт, и мы счастливо избавились от страшной опасности.

Мне не нравится рассказывать об этом приключении, и я упоминаю о нём только для того, чтобы читатель не думал, что я говорю о своих удачах и умалчиваю о неудачах.

Осада Гибралтара

Много интересных воспоминаний связано у меня со временем последней осады Гибралтара.

Мне необходимо было навестить своего лучшего старого друга, генерала Эллиота, который покрыл себя неувядаемой славой при защите Гибралтара. Мой друг обрадовался, как ребёнок, когда я неожиданно явился к нему.

После приветствий генерал предложил мне обойти с ним крепость, чтобы изучить расположение неприятеля. Мой телескоп, который я привёз из Лондона, оказал нам при этом неоценимую услугу.

Осматривая неприятельский лагерь, я обнаружил, что неприятель направляет на тот бастион, откуда мы наблюдаем за ним, ядро весом в тридцать шесть фунтов.

Я немедленно сообщил об этом своему другу. Он попросил у меня телескоп и долго смотрел в указанном мной направлении. Наконец, приблизительно через час он убедился в верности моего сообщения.

Генерал созвал офицеров на общий совет и пригласил меня. Мы долго совещались и решили, наконец, послушаться моего совета.

Я приказал принести ядро в сорок восемь фунтов, зарядил им пушку и, благодаря своим богатым познаниям в артиллерии, направил его так, что был уверен в успехе задуманного мной дела.

Я не выпускал из рук своего телескопа и зорко следил за движениями неприятельских канониров. Как только я заметил, что они подносят к пушке фитиль, я дал знак нашим палить.

План мой вполне удался. Ядра встретились, и наше ядро с такой силой ударило в неприятельское ядро, что оно с большой силой было отброшено обратно, размозило голову канониру, который пустил его, оторвало головы ещё шестнадцати неприятельским солдатам, разбило в щепки главные мачты трёх кораблей, стоявших один за другим в гавани, пролетело потом на двести английских миль внутрь страны, разрушило крышу одной бедной избушки, выбило последний зуб спавшей старушки и застряло у неё в горле.

Пришедший с работы муж, увидев жену в таком положении, попытался извлечь ядро, но это ему не удалось. Тогда он схватил молот и несколькими ударами вогнал ядро в желудок, откуда через некоторое время оно вышло естественным путём.

Но я забыл упомянуть о самом главном: наше ядро с такой силой ударилось о направленное против нас орудие, что подняло его с лафета и бросило в трюм корабля. От такого удара корабль перевернулся и затонул вместе с тысячью матросами и большим числом солдат, находившихся на нём.

Все пришли в восторг от моего выстрела, но я скромно заявил присутствовавшим, что хотя эта блестящая идея и принадлежит мне, но всё же мне помог случай. Однако, несмотря на моё заявление, все обступили

меня, поздравляли с успехом и поражались моему уму, опыту и знаниям. Генерал Эллиот за мои военные заслуги предложил мне в награду офицерское звание. Я отказался от излишних почестей и удовольствовался публичной благодарностью, высказанной знаменитым генералом в присутствии всего генерального штаба.

Англичане всегда производили на меня впечатление очень храброго народа, и я не хотел оставлять крепость до тех пор, пока не окажу им ещё какую-нибудь услугу. Удобный случай скоро представился.

Чтобы узнать о планах неприятеля, я переоделся в одежду католического священника и благодаря этому проник во вражеский лагерь. Подкравшись к палатке, где в это время заседал военный совет под председательством главнокомандующего, графа Артуаса, я услышал, что неприятель намеревался произвести на следующий день нападение на нашу крепость. Я слышал, как граф Артуас излагал план нападения, и размышлял о том, каким образом предотвратить грозящую крепости опасность.

Мне недолго пришлось ждать окончания совета. Офицеры скоро разошлись и улеглись спать. Убедившись, что в неприятельском лагере все уснули, я бросился к пушкам и одну за другой забросил их далеко в море. Телеги и лафеты я отнёс в середину неприятельского лагеря и свалил в одну кучу. Образовалась груда выше Гибралтарских скал. На эту груду я взвалил всю амуницию и поджёг её. Огромное яркое пламя озарило окрестности.

Чтобы отвлечь от себя подозрение, я первый поднял тревогу: стал бегать по неприятельскому лагерю и громко кричать о пожаре. Поднялась страшная суматоха.

Офицеры и солдаты, как безумные, метались по лагерю и не знали, что им делать. Впоследствии, когда паника немного улеглась, военный совет стал решать, каким образом могла произойти такая катастрофа. Никто не мог предположить, что это дело рук одного человека. Военачальники объясняли это несчастье тем, что наш гарнизон ночью напал на лагерь, подкупив стражу, и уничтожил все пушки.

Неприятель понёс громадные потери, и Гибралтар был спасён, но никто не знал, кто был спасителем крепости.

Главнокомандующий неприятельской армией, граф Артуас, охваченный ужасом, бежал со всем своим войском, оставив лагерь. Только через четырнадцать дней, измученный и больной, он добрался до Парижа. Часть его солдат заболела в пути, а другая – слегла сейчас же по прибытии в город. Ужас и усталость до того измучили всю армию, что ни один

человек не мог в течение трёх месяцев притронуться к пище, и они жили одним только воздухом.

Прошло два месяца с тех пор, как я оказал услугу осаждённым. Я всё ещё оставался в крепости. Однажды мы ужинали у генерала Эллиота. Вдруг в комнату влетела бомба и упала на стол. Все присутствовавшие, а также храбрый генерал Эллиот бросились бежать. В этом не было ничего удивительного, так как бомба, разорвавшись, могла бы разнести всех на мелкие куски. Всякий на их месте сделал бы то же самое. Но я не хотел следовать их примеру.

Недолго думая, я подбежал к бомбе, схватил её и прежде, чем она успела разорваться, отнёс на вершину скалы. Оттуда я хотел бросить бомбу в море, но вдруг заметил на высоком морском берегу, недалеко от неприятельского лагеря, громадную толпу людей. Я взял свой телескоп, чтобы посмотреть, что они там делают.

Страшное зрелище заставило меня задрожать. Неприятели поймали двух наших офицеров: генерала и полковника, которые ночью проникли в их лагерь. На возвышении поставили два столба. Генерала и полковника подвели к столбам и уже продевали их головы в петли. Сообразив, что рукой нельзя добросить до них бомбу, я выхватил из кармана пращу, вложил в неё бомбу и бросил в самую середину толпы.

Раздался страшный треск, бомба разорвалась на мелкие куски, не оставив в живых ни одного человека. Большой осколок бомбы ударил в подножие виселицы, так что оба столба повалились, и наши офицеры были спасены.

Они быстро освободили друг друга от верёвок, стягивавших их шеи, и бросились к берегу. К их счастью, на берегу находилась лодка с двумя перевозчиками. Они прыгнули в лодку и через короткое время прибыли к нам.

Я встретился с ними у генерала Эллиота, куда я направился, чтобы рассказать о случившемся. Узнав, что я был их спасителем, генерал и полковник бросились ко мне и чуть не задушили меня в своих объятиях. Генерал Эллиот устроил пир, и мы весело отпраздновали их освобождение.

Пращу свою, с помощью которой я так удачно бросил бомбу, я получил в наследство от моего отца. Он рассказывал о ней интересную историю.

– Во время одного из моих многочисленных путешествий, – говорил отец, – я попал в Англию. Однажды я отправился прогуляться по морскому берегу. Вдруг я заметил, что ко мне быстро приближается какое-то животное. Это был морской конёк. Он яростно бросился на меня, но в это

самое мгновение я схватил пращу и так удачно метнул в конька два камня, что выбил ему оба глаза. Потеряв зрение, конёк сейчас же присмирел и остановился. Я вскочил ему на спину, вложил в его пасть мою пращу и направил его в море. Конёк стал послушен, как овца. Он быстро мчал меня по дну через океан, и через три часа мы прибыли на противоположный берег.

Там я продал своего конька за триста золотых хозяину гостиницы, в которой я остановился, и тот показывал его за плату и нажил большую прибыль.

Много интересного видел я во время путешествия на коньке по дну океана. Миллионы разнообразных рыб и морских животных окружали меня. Они совсем не похожи на обыкновенных рыб. Формы и очертания их тел были самыми фантастическими: у одних голова была посередине тела, у других на конце хвоста; часто они собирались большими стаями и услаждали мой слух стройным пением.

Прозрачные дворцы, построенные из воды и окружённые прозрачными колоннами, встречались мне на пути. Их озарял яркий свет текучей воды.

Я видел громадную цепь высоких гор. По их склонам росло множество различных деревьев.

Омары, раки, устрицы, раковины, громадные морские улитки, не менее ста пудов каждая, сидели на ветвях этих деревьев. Во время бури волны срывают с ветвей плоды и выносят на берег, где люди подбирают их и продают на рынках. У подножия громадных омаровых, раковых и устричных деревьев рос кустарник, на котором были маленькие улитки.

Недостаток воздуха я стал ощущать только тогда, когда находился уже на середине пути, на громадной глубине. Я стал гнать своего конька, который и так мчался очень быстро.

Нам стали попадаться огромные рыбы. С раскрытыми пастьями они гнались за мной, но, несмотря на их желание, не могли нагнать меня.

Скоро мы стали приближаться к берегу. Вдруг я заметил на дне моря, на песке, распростёртую человеческую фигуру. Подъехав ближе, я увидел, что это была женщина. Она ещё проявляла признаки жизни. Я схватил её за руку и вытащил на берег. Сейчас же я доставил её к доктору, и благодаря его стараниям нам удалось вернуть ей жизнь...

Этим обыкновенно заканчивался рассказ моего отца. Я вспомнил о нём, потому что его знаменитая праща ещё раз оказала мне большую услугу. Но эта услуга была уже последней, так как во время метания бомбы часть пращи оборвалась и улетела вместе со снарядом в неприятельский лагерь. Оставшийся же кусок я храню до сих пор вместе с другими замечательными предметами, переходящими в нашей семье из поколения в поколение.

После приключения с бомбой я оставил Гибралтар. Мне необходимо было побывать в Англии, чтобы отправить из Ваппинга в Гамбург кое-что в подарок своим друзьям.

В Ваппинг я прибыл в полдень. Была сильная жара. Солнце едва не сожгло меня своими лучами. Я осматривался по сторонам и искал место, где можно было укрыться от палящих лучей.

Недалеко от меня стояли пушки. Недолго думая, я забрался в жерло одной из них и крепко уснул. Это было четвёртого июня, в день рождения короля Георга III. Пушки были заряжены ещё утром, и в час дня должны из них были палить в честь праздника. Я крепко спал в пушке, как вдруг раздался выстрел, и я полетел через дома, через реку и упал на большой стог сена. Дорога так утомила меня, что я и там продолжал спокойно спать.

Спустя три месяца сено сильно поднялось в цене, и хозяин, воспользовавшись этим случаем, решил продать его. Стог, на котором я лежал, был самым большим. Люди приставили к нему лестницы и стали взбираться на него.

Шум разбудил меня. Я вскочил и, не зная, где я нахожусь, бросился бежать, но скатился со стога и упал прямо на голову хозяину. Когда я поднялся, оказалось, что хозяин умер, так как при падении я проломил ему затылок. Сам же я отделался небольшими царапинами.

Собрались люди, но никто не выражал сожаления по поводу смерти хозяина, так как он был очень скупым человеком и пользовался всяким удобным случаем, чтобы обирать людей.

Я долго раздумывал над тем, каким образом я попал на стог и сколько времени пролежал на нём. Только после того, как я прибыл в Лондон, встретился там со своими друзьями, которые считали меня погибшим, и узнал от них, что они уже три месяца ищут меня, – только тогда я смог

отчасти объяснить себе случившееся со мной происшествие.

Приключение с белыми медведями

Друзья мои торжественно отпраздновали моё благополучное возвращение в Лондон. От одного из них, капитана Фиппса, я узнал, что он отправляется в далёкое путешествие к Северному полюсу.

Я вызвался сопровождать его. Друг мой охотно принял моё предложение, и спустя некоторое время мы двинулись в путь.

Наше путешествие прошло вполне благополучно, и скоро мы были уже недалеко от полюса. Во время этого путешествия мой телескоп, о котором я вам уже рассказывал, принёс нам большую пользу.

Я никогда не выпускал его из рук, так как люблю всегда отдавать себе отчёт в том, что происходит вокруг меня.

Однажды я увидел в полумиле от нас на огромной ледяной глыбе двух белых медведей. Они стояли на задних лапах и, как мне показалось, дрались.

Захватив с собой своё ружьё, я спустился на лёд и направился к ледяной глыбе. Дорога, по которой мне пришлось идти, была очень опасна и трудна.

Приходилось взбираться на высокие ледяные горы, прыгать через страшные пропасти, пробираться по тонким, скользким и гладким, как зеркало, льдинам.

Наконец, мне удалось приблизиться к медведям.

Оказалось, что медведи не дрались, как мне показалось издали, а играли. Каждый из них был величиной не менее откормленного быка.

Шкура такого медведя ценится очень дорого, и я уже вычислял в уме, какую прибыль принесёт мне эта охота.

Я поднял ружьё и стал целиться, но в это мгновение я поскользнулся, упал и во время падения так сильно ударился о лёд головой, что лишился чувств.

Когда я очнулся, то почувствовал, что медведь навалился на меня всей своей тушей.

Не знаю, что сделало бы со мной страшное животное, если бы я не выхватил из кармана охотничий нож и не отрезал бы медведю три пальца на передней лапе. Медведь страшно заревел и выпустил меня.

Я воспользовался этим моментом, быстро схватил ружьё и, не дав животному опомниться, одним выстрелом уложил его.

Окровавленное животное заснуло вечным сном, но мой выстрел

разбудил несколько тысяч его товарищей, спавших на льду, – и они с диким рёвом бросились на меня.

Меня ожидала верная гибель. Не скрою, что в эту минуту я несколько растерялся, но вдруг счастливая мысль осенила меня. Я бросился к убитому медведю, в одно мгновение снял с него шкуру и немедленно завернулся в неё.

В это время дикие звери с яростным рёвом приблизились ко мне, но вид мой сразу успокоил их, так как они приняли меня за своего товарища. Правда, я был несколько тоньше их, но так искусно подражал их движениям и их рёву, что хитрость моя вполне удалась. Теперь я стал обдумывать, как бы лучше воспользоваться доверием животных. Один военный врач рассказывал мне, что стоит только около затылка перерезать позвоночный хребет, как моментально наступает смерть. Теперь я вспомнил об этом.

Я приблизился к самому большому медведю и сильным ударом ножа рассёк ему хребет около затылка. Животное растянулось на льду, не издав ни одного звука.

Надо сознаться, что это было отважное дело. Если бы я промахнулся, медведь немедленно разорвал бы меня на куски. Но, к счастью, всё обошлось благополучно, и мне оставалось только тысячу раз повторить тот же удар. Медведи падали один за другим.

Когда я уложил последнего, я отправился на наш корабль, рассказал капитану о случившемся и попросил его отпустить со мной матросов, чтобы снять с убитых зверей шкуры и перенести на корабль окорока. Остальное мясо нам, к сожалению, пришлось оставить, так как наш корабль был перегружен, и мы должны были вернуться обратно в Англию, не достигнув Северного полюса.

Считаю своим долгом защитить капитана Фиппса от нападок за то, что он не добрался до полюса. Мы, несомненно, достигли бы намеченной цели, если бы из-за меня корабль не оказался перегружен медвежьими шкурами и окороками.

Как только мы прибыли обратно в Англию, я послал от имени капитана несколько окороков лорду-адмиралу, лорду-казначею,

бургомистру, лондонскому магистрату и торговому союзу; остальные же окорока разделил между своими друзьями.

Все благодарили меня за ценный подарок; но между мной и капитаном Фиппсом словно чёрная кошка пробежала. Он завидовал моему успеху и старался умалить мою славу. Он уверял, например, что ему не нужно было бы облачаться в медвежью шкуру, чтобы обмануть медведей; они и так приняли бы его за своего товарища.

Не решаюсь спорить об этом с благородным пэром Англии. Может быть, он и прав.

Приключение с собакой

Следующее морское путешествие я совершил вместе с капитаном Гамильтоном. Наш корабль направлялся из Англии в Ост-Индию. В то время у меня была замечательная легавая собака, Трая, обладавшая редким чутьём. Ни за какие деньги я не расстался бы с ней.

Мы были в море на расстоянии трёхсот миль от земли.

К моему великому удивлению, я заметил, что моя собака неподвижно стоит на одном месте. В это время ко мне подошёл капитан. Я стал уверять его, что мы находимся недалеко от суши. Капитан поднял меня на смех. Меня разозлило это, и я заявил ему, что чутью своей Траи я доверяю больше, чем глазам всех моряков нашего экипажа, и предложил ему пари на сто гиней (всю сумму, которая была при мне), что не пройдёт и получаса, как мы будем стрелять дичь.

Капитан, смеясь, попросил врача нашего корабля, господина Крафорда, попробовать мой пульс. Я продолжал настаивать на пари. Тогда капитан высказал предположение, что я помешался, и заявил, что было бы нечестно принимать подобное пари.

Врач, однако, был другого мнения. Он советовал капитану принять пари, чтобы наказать меня за дерзость. Господин Крафорд так же, как капитан и другие офицеры нашего корабля, был убеждён, что я проиграю.

Капитан послушался совета господина Крафорда, но при этом заявил, что возвратит мне деньги, даже если выиграет их у меня.

Собака моя в продолжение нашего разговора не трогалась с места, и это ещё больше убедило меня в верности моего предположения. Пари состоялось.

В это время матросы, удивившие рыбу с лодки, привязанной к кораблю, вытянули огромную морскую рыбу и сейчас же подняли её на палубу. Начали её потрошить и едва разрезали живот, как увидели двенадцать живых куропаток.

Очевидно, бедные птицы долго находились в животе рыбы, так как одна из них сидела на пяти яйцах, и как раз в то время, когда разрезали рыбу, из одного яйца вылупился птенчик.

В это время бывшая на корабле кошка принесла маленьких котят. Мы воспитывали птенчиков вместе с котятами, и кошка так привязалась к ним, что очень беспокоилась, когда один из птенчиков уходил куда-нибудь и долго не возвращался. Пойманные куропатки попеременно сидели на

яйцах, и во всё время нашего путешествия на нашем столе была превосходная дичь.

Само собой разумеется, что капитан уплатил мне сто гиней, а я награждал свою славную Траю косточками куропаток каждый раз, когда к столу подавали дичь.

Второе путешествие на Луну

Читатель уже познакомился с моим первым путешествием на Луну. Тогда мне нужно было достать свой серебряный топор. Но в предыдущий раз я недолго пробыл на Луне и не успел познакомиться с её обитателями и их жизнью на этой планете. К счастью, мне скоро представился новый случай посетить Луну.

Второе моё путешествие было менее опасно и гораздо приятнее первого. На этот раз я пробыл там довольно долгое время и произвёл много интересных наблюдений, которыми и хочу поделиться с читателем.

Постараюсь последовательно и, насколько мне позволит память, подробно рассказать об этом путешествии.

Однажды я получил приглашение от одного из моих дальних родственников навестить его. Так как в это время я ничем не был занят, а родственник мой жаловался в письме, что я совершенно забыл о нём и это его сильно оскорбляет, то я решил принять его предложение и немедленно двинулся в путь.

Родственник мой был очень богатым человеком и жил в своём великолепном имении на берегу моря. Он вёл уединённый образ жизни и сильно обрадовался моему приезду. На следующий день он повёл меня осматривать свой великолепный дворец, стоявший на высоком холме и окружённый волшебным тенистым парком. Во время прогулки он объявил мне, что назначает меня своим единственным наследником как самого достойного из всех его многочисленных родственников.

Между прочим, он рассказал мне, что жизнь его в глуши и одиночестве была бы очень однообразна, если бы он не занимался астрономией и не читал бы в часы досуга книги, в которых описываются различные путешествия.

Долгие размышления привели его к убеждению, что Луна непременно должна быть населена такими же обитателями, как королевство Бробдиньяг, о котором нам известно из путешествий Гулливера. Рассказы Гулливера всегда казались мне сказкой, и я высказал это мнение моему родственнику. Однако он продолжал настаивать на верности своего убеждения и предложил мне совершить вместе с ним путешествие на Луну.

Я охотно принял его предложение, мы снарядили корабль и отправились в путь. Долго странствовали мы по морю, причём с нами не

случилось ничего, достойного описания, если не считать встречи с людьми, которые носились в воздухе и танцевали менуэт.

Наконец, поднялась страшная буря, и наш корабль громадной волной подбросило в воздух на высоту тысячи миль. Некоторое время он неподвижно стоял над водой. Но скоро свежий ветерок раздул паруса и быстро понёс нас.

Так мы путешествовали над облаками около шести недель и открыли круглую и блестящую большую страну. Мы въехали в превосходную гавань, вышли на сушу и заметили, что она обитаема. Вокруг себя мы видели города, деревья, горы, реки, озёра. Мы подумали, что опять попали на землю, но скоро убедились, что это Луна.

Людей мы сначала не заметили, но, посмотрев вверх, мы увидели высоко над нами исполинов, ездивших верхом на грифах. У каждой птицы было три головы, а крылья их простирались по меньшей мере на полмили в ширину. На что бы мы ни взглянули, всё поражало нас своими размерами. Простой комар, например, был величиной с нашу овцу.

Во время нашего пребывания в этой стране её повелитель готовился к войне с Солнцем. Он предложил мне звание офицера, но я отказался от этой чести, так как не собирался долго задерживаться на Луне. Интересно, что там не делают оружие, как у нас на Земле, а пользуются дарами природы. Вместо дротика, например, обитатели Луны употребляют хрен, который убивает всякого, в кого попадает. Когда же запас хрена иссякает, они стреляют спаржей.

Вместо щитов воины употребляют громадные шампиньоны.

Там же я познакомился с уроженцами планеты Сириус, которые были взяты в плен обитателями Луны во время войны с этой планетой. Лица их напоминали морду бульдога, глаза находились на кончике носа, век у них не было, и когда они ложились спать, то закрывали глаза языком. Их средний рост – двадцать футов. Жители же Луны никогда не бывают ниже тридцати шести футов.

Жителей Луны называют «кашеварами», потому что они готовят пищу так же, как и мы, на огне. Но они совсем не тратят времени на еду: на левом боку у них находится отверстие, куда они бросают пищу, затем закрывают это отверстие и только через месяц снова повторяют ту же операцию. Таким образом, они обедают только двенадцать раз в год.

На деревьях в этой стране растут не только плоды, но также животные и люди. Деревья, на которых растут люди, гораздо красивее других. У них большие прямые ветви и листья телесного цвета. Плоды этих деревьев – орехи с очень твёрдой скорлупой, величиной не меньше шести футов.

Когда плоды созревают, их срывают и хранят столько времени, сколько считают нужным. Если из ореха хотят вынуть плод, его бросают в большой котёл с кипящей водой; через несколько часов скорлупа лопается – и на свет выходит живое существо. Каждый из лунных людей появляется с определённой профессией.

Из одной скорлупы выходит солдат, из другой – философ, из третьей – богослов, из четвёртой – юрист, из пятой – арендатор, из шестой – крестьянин, – и каждый сейчас же принимается за работу.

Никто, однако, не может определить, кто появится из той или иной скорлупы. Когда я был на Луне, один старик утверждал, что он знает разгадку этой тайны. Но никто не придавал значения его словам.

Люди живут на Луне до глубокой старости, и когда наступает день смерти, они превращаются в пар и исчезают. Их тело напоминает тело людей, но на каждой руке у них только по одному пальцу. Им они делают всё не хуже, чем мы своими пятью пальцами.

Свои головы жители Луны носят под правой рукой, а иногда оставляют их дома. Головы обладают способностью незаметно пробираться всюду, куда пошлют их хозяева, но стоит только хозяину позвать свою голову, она моментально возвращается к нему обратно.

Особенно сильное впечатление произвело на меня то обстоятельство, что у жителей Луны пустой желудок и они пользуются им как чемоданом: они прячут туда всё, что им вздумается.

Повсюду на Луне я заметил торговцев глазами. Стоило туземцу повредить себе глаз, он сейчас же выбрасывал его и покупал себе новый, причём он мог отлично видеть, держа глаз в руке. Мода на цвет глаз часто менялась, и туземцы всегда приобретали себе глаза модного цвета.

Всё рассказанное мной о чудесах, которые я наблюдал на Луне, может

вызвать сомнение у читателя, но стоит ему только съездить туда, и он убедится в правдивости моих описаний.

Путешествие под землю

К рассказу о моём втором путешествии на Луну я хочу прибавить историю, правдивость которой также неоспорима, но странность которой превосходит первую.

После возвращения с Луны я поселился у своего родственника. Под его влиянием я стал очень много читать. Книга «Путешествие в Сицилию» породила во мне сильное желание посетить гору Этну, и я отправился в путь. Дорогой я не встретил ничего интересного.

Другой путешественник на моём месте рассказал бы столько вымышленных приключений, что у читателя голова закружилась бы от его фантастических рассказов, но я никогда не прибегаю к вымыслам и, как читатель успел уже убедиться, говорю только правду.

Но возвращусь к рассказу. Сначала я поселился в хижине, стоявшей у подножия горы. Немного отдохнув и оправившись после путешествия, я поднялся на вершину Этны и стал ходить вокруг кратера, представлявшего собой огромную воронку. Но сколько я ни расхаживал и ни заглядывал в отверстие, я ничего не мог рассмотреть. Наконец, я решился спуститься в воронку.

Уже в начале спуска я почувствовал себя, как в русской бане. Чем ниже я спускался, тем больше повышалась температура. Пылающие угли немилосердно жгли моё тело. Но приходилось терпеть, так как возвратиться обратно было невозможно.

С каждой секундой скорость моего движения увеличивалась, и через несколько минут я достиг дна. Страшный шум оглушил меня. Вокруг раздавались проклятия, крики и какое-то особое рычание.

От сильных ожогов и от удара при падении я потерял сознание.

Когда я открыл глаза, то увидел около себя самого Вулкана, окружённого циклопами. Я не верил своим глазам, так как считал их существами мифическими, и вдруг оказалось, что они существуют на самом деле. Оглушившие меня во время падения шум, проклятия и рычания слышались по той причине, что циклопы уже три недели о чём-то спорили. Заинтересованные моим появлением, они моментально прекратили споры и затихли.

Вулкан склонился надо мной и заметил ожоги. Он сейчас же подошёл к своему шкафу, достал оттуда мазь и пластырь и собственноручно наложил их на мои обожжённые места. Через несколько минут мои раны зажили.

Затем он предложил мне бутылку нектара и других вин, которые пьют только боги и богини. Вино освежило меня, повязки и пластырь, покрывавшие моё лицо и тело, были сняты, и Вулкан отправился со мной к своей супруге, Венере.

Он познакомил меня с ней и попросил её окружить меня особенным вниманием и заботой. От всего существа супруги Вулкана веяло божественной прелестью. Я до сих пор ещё прихожу в восторг, когда вспоминаю о ней.

Сейчас я сожалею о двух вещах: во-первых, почему я не спросил, где можно купить чудесную мазь, или, если её готовит сам Вулкан, то по какому рецепту он её делает; и во-вторых, благодаря какой косметике так хорошо сохранилась госпожа Венера. У меня есть несколько тёток, которые были бы очень благодарны за эти сообщения. С обоими средствами можно было бы устроить колоссальное дело!

Вулкан дал мне очень подробное описание Этны. Он объяснил, что эта гора – не что иное, как куча золы, которую выбрасывают его печи. При этом он добавил, что часто бывает вынужден наказывать своих людей и бросать в них пылающие угли. Угли часто вылетают на поверхность земли. Борьба Вулкана с его циклопами продолжается иногда несколько месяцев и сопровождается извержениями лавы и золы.

Везувий также представляет одну из мастерских Вулкана. К нему ведёт проход под морем длиной в триста пятьдесят миль. Там также случаются несогласия, и поэтому происходят извержения.

Хотя мне и нравилось беседовать с Вулканом, но общество его супруги было для меня гораздо приятнее. Вулкан часто надолго отлучался по своим делам, и я с удовольствием проводил время в обществе очаровательной Венеры. Очень может быть, что я и до сих пор не покинул бы этого подземного дворца, если бы злые языки не зажгли в сердце Вулкана огонь ревности.

Однажды утром он схватил меня, как котёнка, за ворот, протащил по какому-то тёмному коридору и бросил в какой-то колодец со словами:

– Иди, неблагодарный смертный, в мир, откуда ты пришёл!

Я полетел вниз с ужасающей скоростью, у меня захватило дух, и, наконец, я потерял сознание... Очнулся я, почувствовав прикосновение холодной воды, открыл глаза и увидел, что плыву по морю.

Надо мной расстилалось безоблачное небо, а вокруг была только гладкая водная поверхность. Всякий другой, наверное, растерялся бы, но я, искусный пловец, сейчас же осмотрелся и поплыл.

Скоро я увидел перед собой огромную ледяную гору. Я поплыл к ней, выбрал удобное место, взобрался на вершину и посмотрел вниз. У подошвы горы, около берега, я увидел лодку. В ней сидели пять дикарей и один европеец. Склон горы был гладкий, как зеркало, и не особенно крутой. Недолго думая, я закричал что было мочи и пустился с горы, как на салазках. Я упал в воду у самой лодки.

Моим спутником оказался голландец. Он рассказал мне, что мы находились в Южном полярном море, около одного из неисследованных островов, у дикарей. Он сам попал к ним во время кораблекрушения.

Теперь мне стало ясно, что Вулкан спустил меня в глубокую шахту, проходившую через центр Земли...

Мне было очень жаль, что я совершил такое интересное путешествие в бессознательном состоянии. Дальше голландец сообщил мне совсем неутешительную вестъ. Оказалось, что на острове Тайхатлибиати живёт мирное племя дикарей. Ими управляет добродушный князь, у которого, однако, есть маленькая слабость: он до страсти любит жареных иностранцев, которых сначала несколько месяцев откармливают всевозможными южными плодами. Голландца тоже откармливали таким способом, но незадолго до окончания срока с неба пошёл дождь из жареных паштетов, которыми он, конечно, всласть полакомился. Тогда князь рассердился и велел откармливать его вторично в течение целого месяца, после чего его должны были немедленно зажарить.

– Ну уж, Ганс, что другое, а о паштетах-то вы сочинили, – сказал я ему. – Я, известный барон Мюнхаузен, объездил весь свет, но паштетного дождя нигде не видел.

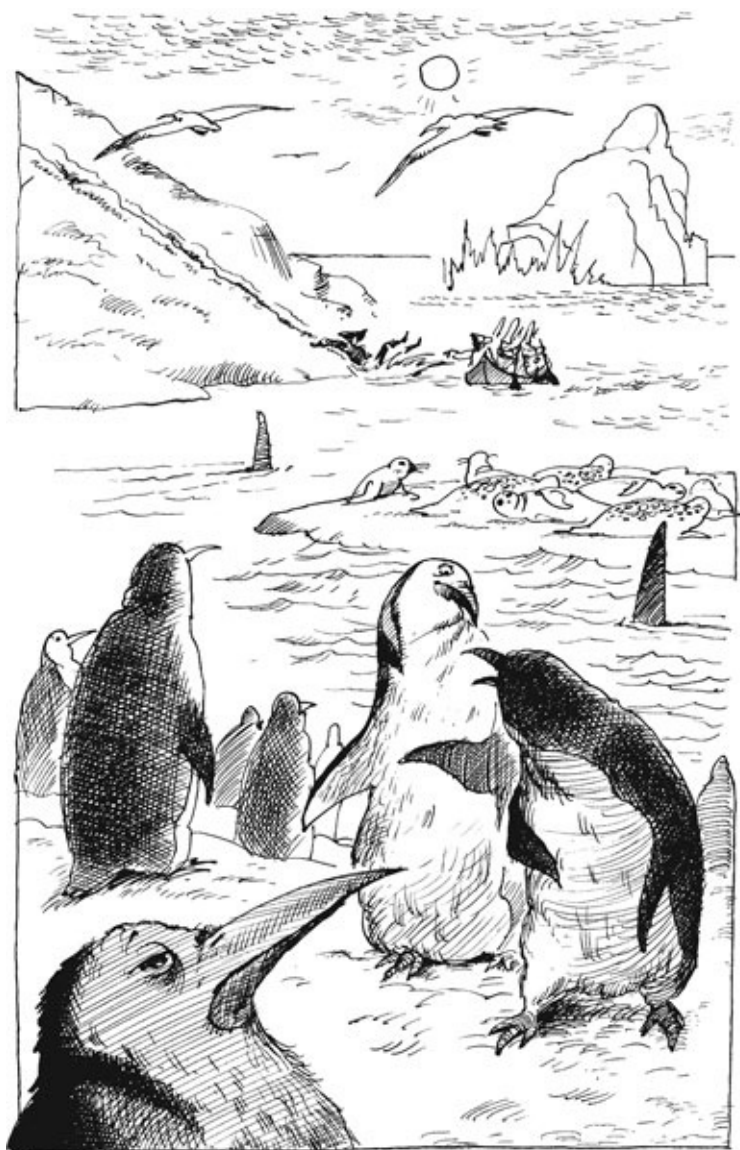
– Право, не лгу, ваше сиятельство! У нас на острове, в горах, есть особенные деревья: на них растут настоящие мясные паштеты. Сильные ветры срывают их с веток, и на острове летом часто идут паштетные дожди.

Впоследствии я сам видел эти странные деревья, которые, по-видимому, совершенно незнакомы нашим ботаникам.

Мы подплыли к острову, и голландец представил меня князю, который сидел на берегу. Тот милостиво кивнул мне головой и сейчас же сказал своему министру:

– Пусть его немедленно начнут откармливать.

Признаюсь, эта идея мне не понравилась. Я ясно увидел, что моя всемирная известность не достигла ещё этого острова. Я удивился ещё больше, когда по пути во дворец предо мной почтительно склонялись все деревья и кусты: очевидно, в растительном царстве вести распространяются быстрее, и растения острова Тайхатлибиати уже знали, кого они встречали.

Князь заметил это и проникся ко мне большим уважением. Он нагнулся к сопровождавшему его министру и прошептал:

– Мюнхаузена откармливать не торопитесь.

Когда мой голландец перевёл мне эти слова, у меня камень упал с сердца...

Когда-нибудь я вам покажу этот камень, он весит тридцать два пуда; недаром у меня на душе было так тяжело!

Я храню этот камень в своём кабинете редкостей в память о моём пребывании на острове Тайхатлибиати, несмотря на то, что мне было трудно перенести его в Европу.

Вечером я уллучил минутку и остался с голландцем наедине.

– Послушай, брат Ганс, нам надо вырваться на волю, мне вовсе не

хочется быть съеденным вместо жаркого...

Ганс сначала обрадовался, но потом жалобно ответил:

– Как же мы убежим, барон? Ведь мы не знаем, где лежит этот остров. Его нет ни на одной карте. Как мы попадём в Европу?

Тогда я сказал:

– Мы можем плыть в любую сторону: на север, на запад или на восток, только не на юг, и всё равно попадём к цивилизованным людям, а там нам покажут дорогу.

Он успокоился, и мы стали обдумывать, как сделать лодку. Я спросил у Ганса, какие деревья на этом острове самые крепкие.

Голландец ответил мне:

– Не знаю, какой породы эти деревья, но плоды их похожи на тыквы или скорее на пузыри величиной с тыкву, потому что они наполняются газом и в спелом состоянии становятся настоящими маленькими аэростатами. Им никогда не дают вызреть, потому что, разогреты солнцем, они поднимаются на воздух и увлекают за собой всё дерево вместе с корнями.

– Друг, мы спасены! Дорогой земляк, теперь уж мы, наверное, увидим родину! Когда будут срывать плоды?

– Вероятно, на днях...

– Что же с ними сделают?

– Мне рассказывали, что их связывают по несколько штук вместе, кладут на солнце и ждут, пока они нагреются и улетят. Этот день считается у туземцев большим праздником.

Я узнал всё, что мне было нужно. В день отлёта плодов, когда их связали дюжинами, я потихоньку унёс несколько таких связок. Мы с голландцем привязали их к поясу и стали на солнце. Шары нагрелись, поднялись и понесли нас на запад по направлению ветра... Потом я видел, как голландец опускался всё ниже и ниже, как он упал в море и как его взяли на какой-то корабль. Впоследствии я узнал, что он счастливо возвратился на родину.

Меня же несло всё дальше и дальше, и я уже собирался отвязать несколько шаров, чтобы спуститься на корабль, но побоялся, что не смогу догнать его, так как он плыл в противоположную сторону.

Пока я раздумывал, поднялся страшный ураган, меня закрутило в воздушном потоке, как щепку, и так я кружился три дня и три ночи.

К счастью, я запасся провизией и не умер с голоду. Наконец, однако, этот бешеный вальс совсем закружил мне голову, и я упал без чувств в холодную морскую воду.

Я поплыл и догнал корабль, шедший в семнадцати милях впереди меня. Это оказался турецкий фрегат. Я рассказал на корабле о своих приключениях на острове дикарей, но никто не хотел мне верить. Когда я стал рассказывать о вихре, который носил меня трое суток над морем, капитан пожал плечами и сказал своему соседу:

– Клянусь Магометом, что такого вихря не бывает!

Предположим, что он был язычником и мог клясться, чем ему было угодно, но всё-таки его постигла должная кара.

Мы спали в каютах, как вдруг нас разбудило странное неприятное качание корабля с боку на бок. Корабль носило ветром, который менялся каждую минуту и дул то с запада, то с востока. Такого явления ещё никто из нас не видел. Наконец, с рассветом началась буря. Главная мачта сломалась и раздробила компас. Мы не знали, что делать, тем более что всё вокруг потемнело от сгустившихся туч.

Целый месяц бушевал этот ужасный шторм и носил наш корабль по волнам, как щепку. Все мачты обломились; наш корабль с ужасной силой бросало с волны на волну.

Наконец, шторм затих, и свежий попутный ветер надул наши паруса. Три месяца мы плыли без остановки; прошли за это время немало. Вдруг с нами стало происходить что-то странное, чего мы никак не могли себе объяснить: дышалось легко, чувствовалась какая-то особенная бодрость и подъём духа; отовсюду доносилось чрезвычайно приятное благоухание, и даже море переменяло свой цвет – из зелёного стало белым.

Скоро показалась и земля. Мы увидели удобную бухту и вошли в неё. Вместо воды там было очень вкусное молоко.

Мы вышли на берег. Весь остров был не что иное, как огромных размеров сыр. Никогда бы нам это не пришло в голову, если бы не случай.

Был у нас матросик, который питал к сыру какое-то странное, непреодолимое физическое отвращение. На берегу его стало тошнить, и он скоро лишился сознания. Придя в себя, он умолял, чтобы убрали сыр. Осмотревшись внимательно кругом, мы всё поняли: оказалось, что весь остров был одним громадным кругом сыра.

Островитяне питаются только сыром, но то, что они съедают днём, пополняется ночью. Всюду на острове рос виноград, но, когда его выжимали, текло молоко, а не виноградный сок.

Островитяне высоки ростом, больше двух метров, красивы собой и ходят, как люди, несмотря на то, что у них три ноги. У них одна рука, а когда они переходят в зрелый возраст, у них вырастает на лбу рог, которым они очень искусно пользуются. Островитяне гуляют, бегают по поверхности своей молочной гавани так же спокойно, как мы по земле или лугу.

На этом острове-сыре росло много ржи с колосьями в виде огромного мясистого гриба, где лежал печёный хлеб, который можно было брать и есть.

Мы много гуляли по этому чудесному острову и нашли на нём семь молочных рек и две из пива.

На шестнадцатый день пути мы пришли к противоположной стороне острова. Здесь мы наткнулись на громадные равнины заплесневелого сыра, так высоко ценимого знатоками. Вместо сырных червей, как следовало бы ожидать, на этих необозримых равнинах росли превосходные плодовые деревья: персики, абрикосы и многие другие, совершенно нам неизвестные.

Все эти деревья поражали нас своими размерами. На них было множество птичьих гнёзд.

Нам бросилось в глаза громадное гнездо исполинского орла, которое было не менее крыши собора Св. Павла в Лондоне. Оно было искусно свито из нескольких огромных деревьев. В нём лежало по меньшей мере – я говорю это без всякого преувеличения – пятьсот яиц. Каждое яйцо было величиной с двенадцативёдерную бочку.

После больших трудов и усилий мы разбили одно яйцо и нашли там птенца, который был больше двадцати взрослых коршунов.

В ту же минуту прилетел орёл, схватил капитана и поднял его вверх на целую милю. Ударив его в воздухе несколько раз крыльями, птица бросила капитана в море.

Хорошо, что наш капитан отлично плавал и скоро выбрался на берег. Все мы вернулись на корабль.

В гавань мы пошли другой дорогой, где, к нашему удивлению, нашли немало нового, интересного и невиданного нами. Так, мы застрелили двух диких быков с одним рогом на лбу между глаз.

Потом мы очень об этом пожалели, так как узнали, что островитяне искусно приручают быков, которые отлично ходят и в упряжи, и под седлом. Мясо этих быков вкусно и питательно, но народ, как я говорил, ест только молоко и сыр; мясной же пищи здесь совсем не знают.

До гавани оставалось дня два пути. Мы шли по опушке леса. В одном месте мы увидели, что на сучьях высокого дерева болтаются трое

повешенных.

Я узнал, что их повесили за то, что по возвращении из путешествия они бессовестно лгали, описывая местности, которых не видели, и приключения, которых не было.

Я нашёл, что с ними поступили справедливо. Правда, наказание им придумали уж очень жестокое, но наказать за такие проступки следовало: нет ничего отвратительнее лжи в рассказах путешественников. Всякий рассказчик должен постоянно помнить, что истина прежде всего.

Вернувшись на корабль, мы снялись с якоря и расстались с этой чудесной страной.

Когда мы выходили из гавани, огромные деревья, растущие по берегу, дважды склонялись перед нами до земли. Три дня мы носились по волнам, не зная, где находимся. Вдруг мы заметили, что вода в море стала совершенно чёрной.

Кто-то из нас решился попробовать эту чернильную воду, и – о диво! – оказалось, что это не вода, а чудесное вино. Все стали черпать и пить эту воду. Понадобился усиленный надзор, чтобы матросы не перепились.

Увы! Недолго продолжалось благополучие. Наш корабль очень скоро окружили киты и другие морские чудовища. Одно было так велико, что даже в подзорную трубу нельзя было судить о его размерах. К несчастью, мы заметили это морское чудовище, когда оно было уже недалеко от нас. Одним глотком оно проглотило наш корабль со всеми мачтами и парусами.

Увлекаемый течением корабль, который был далеко не игрушка, проскользнул прямо в желудок и остановился неподвижно.

Воздух был душный и неприятный.

Мы нашли якоря, канаты, лодки, барки и много кораблей, проглоченных, как и мы. Было страшно темно; без факелов нельзя было шагу ступить. Солнце, месяц и звёзды перестали для нас существовать.

Каждый день у нас повторялись приливы и отливы. Когда животное

глотало воду, был прилив, а когда вода уходила из туловища, наступал отлив, и все суда садились на мель. За один глоток, по приблизительному расчёту, животное обыкновенно втягивало в себя больше воды, чем во всём Женевском озере.

На второй день нашего пребывания в этом царстве вечной ночи во время отлива я с капитаном и кое с кем из офицеров отправился на разведку.

Разумеется, мы взяли с собой факелы. По дороге мы встретили около тысячи человек разных национальностей, которые собрались на совещание, чтобы решить, как выбраться из заточения. Многие из них находились здесь уже несколько лет.

В ту минуту, когда председатель открыл совещание, проклятое животное стало пить. Вода прибывала быстро; мы едва добежали до наших кораблей, а некоторые добрались к себе вплавь.

Спустя несколько часов, когда снова наступил отлив, наше совещание возобновилось. На этот раз председателем выбрали меня. Я предложил взять две самые большие мачты, крепко связать их концами и в тот момент, когда животное откроет пасть, всунуть ему распорку.

Все одобрили моё предложение; я взял в помощники сто самых сильных матросов и тотчас принялся за работу.

Как только мачты были связаны, животное зевнуло. Мы тотчас сунули ему в пасть распорку; один её конец упёрся в верхнее небо, а другой – в нижнюю челюсть.

Вода, свободно вливаясь в желудок, быстро поднялась, и все мы наконец выплыли на свет Божий. После двухнедельного пребывания в вечной темноте дневной свет стал невыразимо ласкать наши усталые глаза и радовать наши сердца.

Когда мы осмотрелись, оказалось, что вместе с нами из желудка животного выплыл целый флот из тридцати пяти кораблей.

Наши мачты мы так и оставили в пасти чудовища, чтобы предостеречь других мореходов от печальной участи попасть в это ужасное заточение, где царит вечная тьма и где несчастные узники страдают от недостатка пресной воды.

Казалось, наконец настало затишье. Несколько дней мы спокойно плыли по океану, стараясь определить, где мы находимся. Вдруг наш корабль начал качаться на расходившемся море. Его куда-то понесло течением, но куда, никто из нас не знал.

Наконец, выглянуло солнце, потянул тёплый ветерок, и нас обдало каким-то очень знакомым ароматом. Все нюхали, но никто не мог

определить, что это за запах. Я тоже втянул в себя струю воздуха и сейчас догадался:

– Эге! Да ведь это пахнет жареным мясом и гаванскими сигарами!

– Да, да, – закричали все, – жаркое и сигары!

Целую неделю мы питались этим приятным запахом, так как запасы нашей провизии истощились. Между тем течение медленно несло нас к берегу. На восьмой день мы увидели остров и, к нашему удивлению, очутились у северного берега Кубы, в Гаване. Вот почему пахло сигарами!

Я рассказывал туземным плантаторам о своих приключениях, но они оказались уж очень крепкоголовыми и относились к моим рассказам недоверчиво. Конечно, я там долго не остался. Меня тянуло в Европу, к вам, друзья мои! Я знал, что в вашем кругу я найду доверие и участие...

